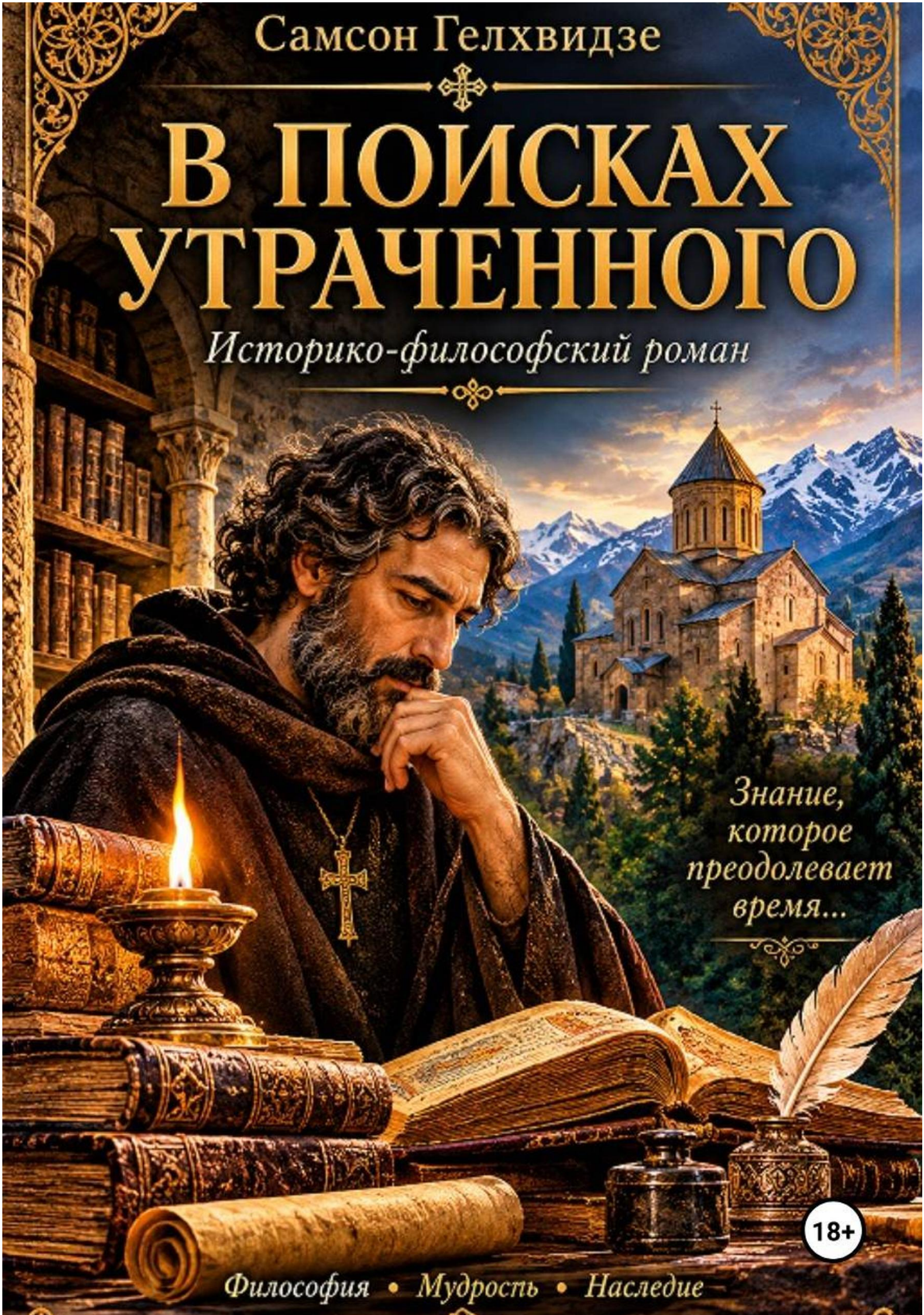
Самсон Гелхвидзе

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

Историко-философский роман

Знание, которое преодолевает время...

18+

Философия • Мудрость • Наследие

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

В поисках утраченного – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

В поисках утраченного – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «В поисках утраченного» посвящён Иоане Петрици — выдающемуся представителю средневековой грузинской философской мысли, переводчику и комментатору трудов античных мыслителей.Однако перед читателем не просто историческое повествование о жизни учёного и монаха. Это глубокое размышление о природе знания, предназначении человека, нравственной ответственности и непрерывности духовного наследия.В центре произведения — путь человека, посвятившего свою жизнь поиску истины. Через встречи, интеллектуальные споры, работу с древними рукописями, отношения с учениками и непростые жизненные испытания раскрывается характер мыслителя, для которого знание никогда не было самоцелью. Оно должно помогать человеку лучше понимать мир, самого себя и окружающих людей.Автор соединяет историческую основу с художественной реконструкцией эпохи, создавая атмосферу средневековой интеллектуальной жизни. Философские идеи органично переплетаются с человеческими переживаниями.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5. Когда ученик начинает спорить 22
Глава 9. Испытание молчанием 31
Глава 18. Дорога к Петрицони 47
Глава 21. Чужая беда 52
Конец ознакомительного фрагмента. 83

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
В поисках утраченного – (роман)

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО
Историко-философский роман
Тбилиси

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Свет, который не гаснет
Часть первая. Зов знания
Глава 1. Первая тайна
Глава 2. Дорога на Восток
Глава 3. Спор о невидимом
Глава 4. Книга за семью печатями
Глава 5. Когда ученик начинает спорить
Глава 6. Цена перевода
Глава 7. Чужая мудрость и собственный голос
Глава 8. Голос родной земли
Глава 9. Испытание молчанием
Глава 10. Рукопись, пережившая огонь
Глава 11. Человек, который не боялся вопросов
Глава 12. За пределами Константинополя
Глава 13. Исповедь перед дорогой
Глава 14. Между двумя мирами
Глава 15. Испытание верностью
Глава 16. Свет, который передают
Глава 17. Последний разговор с Михаилом
Глава 18. Дорога к Петрицони
Часть вторая. Школа человеческой мудрости
Глава 19. За монастырскими стенами
Глава 20. Первый урок
Глава 21. Чужая беда
Глава 22. Испорченная рукопись
Глава 23. Голос за стеной
Глава 24. Дорога к больному
Глава 25. Наследство без завещания
Глава 26. Испытание доверием
Глава 27. Человек с другой стороны гор
Глава 28. Вопрос о единстве
Глава 29. Первые строки
Глава 30. Письмо из прошлого
Глава 31. Зима за монастырскими стенами
Глава 32. Человек с царским письмом
Глава 33. Дорога, которая помнит
Глава 34. Тайна закрытой комнаты
Глава 35. Голоса на полях
Глава 36. Цена чужого молчания

Глава 37. Суд над памятью
Глава 38. Письмо, которого не ждали
Глава 39. Наследие Михаила
Глава 40. Четыре тетради
Глава 41. Дорога обратно
Глава 42. Испытание самостоятельностью
Глава 43. Когда рушатся привычные опоры
Глава 44. Ученик уходит
Глава 45. Человек, пришедший издалека
Глава 46. Камень и слово
Глава 47. Испытание властью
Глава 48. Свет в чужом доме
Глава 49. Возвращение старого друга
Глава 50. Граница познания
Глава 51. Четверо у монастырских ворот
Глава 52. Цена правды
Глава 53. Дорога через бурную реку
Глава 54. Те, кому доверяют
Глава 55. День, когда учитель отсутствовал
Глава 56. Гость с южной дороги
Глава 57. Предложение, изменившее дорогу
Глава 58. Испытание незавершённым
Глава 59. Весть из родных земель
Глава 60. Прощание без расставания
Часть третья. Возвращение и созидание
Глава 61. Земля, которую узнают сердцем
Глава 62. Встреча с теми, кто ждёт
Глава 63. Цена гостеприимства
Глава 64. Право сидеть за одним столом
Глава 65. Книги, которые выбирают судьбу
Глава 66. Тень над школой
Глава 67. Те, кто остаются
Глава 68. Испытание общего дела
Глава 69. Ученик, который остался
Глава 70. Письмо из монастыря
Глава 71. Имя на полях
Глава 72. Дом, в котором спорили о будущем
Глава 73. Библиотека под угрозой
Глава 74. Камни и страницы
Глава 75. Просьба, которая была больше приглашения
Глава 76. Люди, которым предстояло договориться
Глава 77. Собрание разных дорог
Глава 78. Право на собственную ошибку
Глава 79. Возвращение с новыми вопросами
Глава 80. Письмо князя
Глава 81. На чём держится школа
Глава 82. Земля для будущего
Глава 83. Собрание перед строительством
Глава 84. Первый камень

Глава 85. Школа, которая начиналась с трёх мальчиков
Глава 86. Первый спор учеников
Глава 87. Человек, пришедший с чертежами
Глава 88. Письмо из Петрицони
Глава 89. Гость из прошлого
Глава 90. Цена нового знания
Глава 91. Когда приходит испытание
Глава 92. Дорога к будущему
Глава 93. Книга, которой не было в каталоге
Глава 94. Чужая мысль и собственный голос
Глава 95. Между верой и разумом
Глава 96. Собрание без победителей
Глава 97. Рукописи, которые должны встретиться
Глава 98. Ученик, который не хотел переписывать
Глава 99. Письмо, изменившее намерения
Глава 100. Старец, хранивший чужую память
Глава 101. Наследие без имени
Глава 102. Когда ученик становится наставником
Глава 103. Испытание самостоятельностью
Глава 104. Дорога, ведущая дальше
Часть четвёртая. Наследие и продолжение пути
Глава 105. Когда учитель не знает ответа
Глава 106. То, что остаётся после человека
Глава 107. Испытание, которого никто не ожидал
Глава 108. Рукописи под дождём
Глава 109. Возвращение Иосифа
Глава 110. Дорога к собственному труду
Глава 111. Кому принадлежит книга
Глава 112. Старые ученики
Глава 113. Последняя проверка
Глава 114. Люди за пределами школы
Глава 115. Письмо из далёкой обители
Глава 116. Человек, которому доверили будущее
Глава 117. Собрание разных голосов
Глава 118. Незаконченная книга
Глава 119. Испытание наследством
Глава 120. Последний ученик
Глава 121. Время, которое нельзя удержать
Глава 122. Книга без последнего слова
Глава 123. Весть из далёкого прошлого
Глава 124. Когда ученик задаёт последний вопрос
Глава 125. Завещание учителя
Глава 126. Дорога, которая не заканчивается
Глава 127. Испытание без учителя
Глава 128. Свет в окне
Глава 129. Возвращение к истокам
Глава 130. Последняя большая работа
Глава 131. Спор о наследии
Глава 132. Человек перед собственным временем

Глава 133. Те, кто пришёл за ответом
Глава 134. Последняя рукопись
Глава 135. Ученик из далёкого будущего
Глава 136. Последний разговор о Прокле
Глава 137. Письмо, которое не было отправлено
Глава 138. Тишина перед рассветом
Глава 139. Когда учитель замолкает
Глава 140. Свет, который не гаснет
Послесловие
Эпилог. Книга, открытая для будущего

Пролог. Свет, который не гаснет

Художественная реконструкция. Время и обстоятельства сцены не претендуют на документальную точность.

Ночь над Гелати была тихой. Ветер спускался с гор, осторожно касался монастырских стен, шевелил ветви деревьев и уходил куда-то в темноту, словно торопился передать невидимую весть тем, кто ещё не спал.

В небольшом помещении, где пахло пергаментом, воском и старым деревом, горела лампада. Её неровный свет ложился на раскрытую рукопись, на исписанные листы, на пальцы человека, склонившегося над столом.

Он давно перестал замечать холод.

Перед ним лежал труд, которому он отдал годы. Строка за строкой, мысль за мыслью, он переносил на родной язык философию далёкого эллинского мудреца, стараясь не только сохранить смысл написанного, но и открыть его тем, для кого греческие слова оставались недоступными.

Иногда он останавливался, закрывал глаза и повторял про себя очередное положение. Не потому, что забывал его. Напротив, мысль казалась ему настолько важной, что он не хотел торопиться с её объяснением.

Человеческий разум, полагал он, не должен довольствоваться первым ответом. За видимым существует невидимое, за отдельным явлением — причина, за множеством вещей — единство. Но чем глубже человек погружается в устройство мира, тем яснее понимает, как мало ему открыто.

За дверью послышались осторожные шаги.

— Учитель, вы ещё работаете?

Петрици поднял голову.

На пороге стоял молодой человек. Он держал в руках небольшую дощечку для письма и, судя по выражению лица, давно хотел о чём-то спросить, но не решался нарушить уединение наставника.

— Входи, — сказал философ. — Ночь не запрещает задавать вопросы.

Юноша подошёл к столу и взглянул на рукопись.

— Я сегодня перечитывал ваши объяснения. Но чем больше читаю, тем больше сомневаюсь, что понимаю их правильно.

— Это не худшее состояние для ученика.

— Почему?

— Потому что тот, кто уверен, будто уже всё понял, перестаёт искать.

Юноша немного помолчал.

— А если искать всю жизнь и так и не найти ответа?

Философ отложил перо. В его взгляде не было ни раздражения, ни удивления. Он словно ожидал, что однажды кто-нибудь задаст именно этот вопрос.

— Скажи мне, — произнёс он, — разве человек перестаёт быть путником оттого, что не видит конца дороги?

— Нет. Но ему хотелось бы знать, куда она ведёт.

— И это естественно. Только не всякая дорога открывает своё назначение тому, кто стоит у её начала.

Юноша посмотрел на лампаду.

— Значит, истина всегда остаётся далеко?

— Нет. Иногда она ближе, чем мы думаем. Но мы ищем её не там. Нам хочется увидеть её целиком, как видят гору издалека. А она открывается постепенно — в размышлении, в сомнении, в познании самого себя.

За окном послышался далёкий колокольный звон.

Петрици снова взглянул на рукопись. Сколько лет прошло с тех пор, как он впервые услышал рассуждения о природе бытия? Сколько дорог пришлось пройти, сколько книг прочесть, сколько раз начинать заново, когда казалось, что найденное объяснение не выдерживает следующего вопроса?

Он знал цену знаниям. Знал и цену одиночеству, которое иногда становилось неизбежной платой за право мыслить самостоятельно.

Но он не считал свой путь напрасным.

Где-то далеко от этих стен жили люди, которым никогда не доведётся услышать голоса античных мудрецов. Они будут пахать землю, растить детей, строить дома, любить, страдать и умирать, не подозревая, что человеческая мысль способна проникать в такие глубины, перед которыми меркнет даже самое смелое воображение.

И всё же философия не должна принадлежать одним лишь избранным. Если мысль родилась в сознании человека, она должна найти дорогу к другим людям. Для этого её нужно перевести, объяснить, сделать доступной, не лишив при этом первоначального смысла.

Петрици вновь взял перо.

— Учитель, — тихо произнёс юноша, — а что вы сами ищете?

Философ не сразу ответил.

За долгие годы он привык объяснять чужие мысли, спорить с ними, защищать одни положения и отвергать другие. Но этот вопрос был обращён уже не к учёному и не к толкователю древних книг.

Он был обращён к человеку.

— Я ищу то, что не должно было быть утрачено, — наконец сказал он.

— Что именно?

Петрици посмотрел на огонёк лампады.

— Единство. Единство мира, мысли и человеческой души. Может быть, оно никогда не исчезало. Может быть, это мы разучились его видеть.

Он опустил перо на лист.

И снова над рукописью склонился человек, который верил, что путь к истине начинается не с готового ответа, а с мужества задать вопрос.

За стенами монастыря медленно светлело небо.

Часть первая. Зов знания

Глава 1. Первая тайна

В тот день дождь начался ещё до рассвета. Он шёл над горами Самцхе, стекал по каменным крышам, наполнял водой узкие тропинки и заставлял путников искать укрытие под выступами скал. К полудню небо немного прояснилось, но ветер по-прежнему приносил с гор сырость и холод.

В монастырской библиотеке было тихо. Только иногда слышался шелест страниц да скрип деревянного стула, когда один из переписчиков менял положение за столом.

Молодой послушник, которому поручили разбирать старые рукописи, уже несколько часов сидел над раскрытой книгой. Он был так увлечён чтением, что не заметил, как в помещение вошёл пожилой монах.

— Ты опять взялся за эту книгу? — спросил тот.

Юноша поднял голову.

— Да, отец. Но чем дольше читаю, тем меньше понимаю.

Монах подошёл к столу и взглянул на страницу.

— Что же тебя затрудняет?

— Здесь говорится о природе души. Я прочитал этот отрывок трижды, но не могу понять, почему автор утверждает, что душа не может быть такой же, как тело. Ведь мы чувствуем её через себя. Когда человек радуется, страдает или боится, разве это не происходит с ним самим?

Старик улыбнулся.

— Ты задаёшь вопросы, на которые не всегда отвечают даже те, кто посвятил им всю жизнь.

— Но ведь книга должна помогать понимать.

— Книга помогает тому, кто умеет задавать вопросы. А иногда она лишь открывает дверь, за которой обнаруживается ещё больше дверей.

Юноша снова посмотрел на рукопись.

— Тогда зачем люди пишут столько книг, если ни одна не даёт окончательного ответа?

Монах не сразу ответил. Он взял с соседнего стола небольшую восковую дощечку, провёл по ней пальцем, словно проверяя, не остались ли на поверхности следы прежней записи, и положил обратно.

— Представь человека, который всю жизнь прожил в долине и никогда не видел моря. Он слышал о нём от путешественников, читал о нём в книгах, но всё равно не знает, как выглядит бескрайняя вода. Что ты ему скажешь?

— Что ему нужно отправиться к морю.

— Верно. Но если он не может отправиться?

— Тогда ему придётся поверить тем, кто видел море.

— А если рассказы путешественников будут противоречить друг другу?

Юноша задумался.

— Тогда он должен будет выяснить, кто говорит правду.

— Именно. Вот для чего нужны книги, учителя и собственный разум. Одного недостаточно. Чужое знание может указать дорогу, но пройти её за тебя никто не сможет.

Монах направился к выходу, однако у двери остановился.

— И не забывай: не всякое сомнение означает отсутствие веры. Иногда оно свидетельствует о том, что человек относится к истине серьёзнее, чем тот, кто готов принять первое услышанное объяснение.

Когда старик ушёл, юноша ещё долго сидел неподвижно.

Он снова прочитал несколько строк, затем перевернул страницу. Но теперь слова казались ему не такими, как прежде. За ними открывалось пространство, в котором привычные представления уже не могли служить надёжной опорой.

Его звали Иоане.

О его детстве и первых годах жизни позднейшие поколения сохранили слишком мало достоверных сведений, чтобы мы могли уверенно восстановить подобные сцены как события биографии. Поэтому перед нами художественный образ молодого книжника, а не документально установленный эпизод жизни Петрици.

Но исторический Иоане действительно прошёл путь, который требовал необыкновенной образованности и интеллектуального мужества. Ему предстояло выйти далеко за пределы привычного круга грузинской книжности и обратиться к философскому наследию античного мира.

Пока же он был лишь молодым человеком, которому не давал покоя один вопрос.

Вечером, когда монастырские колокола возвестили о приближении молитвенного часа, Иоане отнёс рукопись на место. Он уже собирался уходить, когда заметил на нижней полке другую книгу. Переплёт её был потемневшим, края листов неровными, а некоторые страницы покрывали знаки, которых он прежде не встречал.

Он осторожно вынул книгу.

— Эту лучше не трогать, — раздался за спиной голос библиотекаря.

— Почему?

— Она на греческом языке. И не всякий, кто умеет читать по-гречески, способен понять написанное.

— А кто способен?

— Тот, кто много лет учился и ещё не решил, что знает достаточно.

Иоане провёл ладонью по обложке.

— А можно мне её прочесть?

Библиотекарь посмотрел на юношу внимательнее.

— Ты уже изучил всё, что было тебе поручено?

— Нет.

— Тогда почему ищешь новые книги?

— Потому что прежние не ответили на все мои вопросы.

Старик некоторое время молчал. Затем взял книгу, открыл её на первой странице и прочитал несколько строк.

— Это не та книга, с которой следует начинать, — сказал он. — Но, пожалуй, тебе стоит узнать, что существует и другой мир знания. Там свои учителя, свои споры и свои опасности. Там великие умы не всегда согласны друг с другом. Иногда они спорят так, словно от одного слова зависит судьба всего мироздания.

— А разве это не так?

Библиотекарь посмотрел на него с неожиданным интересом.

— Возможно. Только прежде чем спорить с великими мыслителями, научись внимательно их слушать.

Он вернул рукопись на полку.

Иоане вышел из библиотеки уже в сумерках. Дождь прекратился, над горами проступали первые звёзды. Ветер стих, и издалека доносился шум воды, спускавшейся по каменистому руслу.

Он остановился у стены и долго смотрел на темнеющее небо.

Ему казалось, что где-то там, за знакомыми пределами, существует огромный мир мыслей, в котором люди уже пытались ответить на вопросы, не дававшие ему покоя. Он ещё не знал их имён. Не знал, что однажды будет читать Прокла, размышлять над Платоном и Аристотелем, переводить сложнейшие философские тексты и создавать собственные комментарии.

Но в тот вечер в нём появилось нечто более важное, чем желание прочесть ещё одну книгу. Появилось желание понять и это желание уже не отпускало его.

Глава 2. Дорога на Восток

Дорога не сразу открыла Иоане свои тайны.

Сначала она казалась ему лишь чередой привычных картин: горные склоны, селения, пастбища, реки, пересекавшие долины, и редкие постоялые дворы, где путники собирались у

очага, делились хлебом и рассказывали новости. Но чем дальше он удалялся от родных мест, тем отчётливее понимал, что покидает не просто знакомую землю. За его спиной оставался мир, в котором почти всё имело своё название, своё объяснение и привычное место. Впереди лежал другой мир — огромный, многолюдный, противоречивый, в котором ему предстояло заново учиться смотреть на вещи.

Он ехал не один. Караван двигался медленно, останавливаясь у источников и на ночлег в небольших поселениях. Среди спутников были купцы, монахи, люди, направлявшиеся по своим делам в византийские владения. Каждый вёз с собой что-то необходимое: товары, письма, книги, воспоминания о доме. Иоане же вёз несколько собственных рукописей и множество вопросов, которым пока не находил удовлетворительного ответа.

Однажды вечером, когда путники остановились у придорожного селения, к нему подсел пожилой грек. Он обратил внимание на книгу, которую молодой человек держал на коленях.

— Ты читаешь по-гречески? — спросил он.

— Пытаюсь.

— Это не ответ.

— Тогда скажу иначе: я читаю, но далеко не всё понимаю.

Грек рассмеялся.

— Вот теперь ты ответил правильно. Мне доводилось встречать людей, которые знали греческий язык, но не понимали ни одной греческой мысли. Они гордились словами, словно сами их придумали.

— А разве можно отделить мысль от языка?

— Можно произнести слова, не понимая мысли. Разве ты никогда такого не видел?

Иоане улыбнулся.

— Видел. Но мне казалось, что это недостаток самого человека, а не языка.

— В этом ты прав. Однако язык способен как открыть мысль, так и скрыть её. Особенно когда речь идёт о философии.

Старик назвался торговцем книгами. Он долго жил в Константинополе, знал переписчиков, посредников, людей, занимавшихся продажей рукописей. Услышав, что Иоане направляется в столицу империи, он стал рассказывать о городе.

— Там можно найти книги, о которых у вас, в горах, даже не слышали. В монастырях хранятся труды древних авторов. Есть школы, где спорят о природе мира, о душе, о Боге. Встречаются люди, которые готовы провести целый день над одним предложением, потому что не согласны с тем, как его следует понимать.

— И они действительно чему-то учатся в таких спорах?

— Иногда. А иногда лишь убеждаются, что их противник глупее, чем они сами.

— Значит, спор не всегда приближает к истине?

— Нет, молодой человек. Но без спора истина нередко остаётся во власти того, кто первым объявил её своей собственностью.

Эти слова запомнились Иоане.

В последующие дни он не раз возвращался к ним. Ему представлялось, что в Константинополе его ждёт не только собрание книг, но и целая вселенная человеческих мнений. Одни будут казаться ему убедительными, другие — ошибочными, третьи заставят пересмотреть то, что ещё недавно представлялось несомненным.

Он не боялся этого. Напротив, сама возможность столкнуться с иными взглядами притягивала его.

Когда наконец перед путниками открылся Константинополь, Иоане долго не мог отвести взгляда от города.

Он видел стены, башни, купола храмов, множество крыш, поднимавшихся одна над другой. Вдали сверкала вода, по которой двигались корабли. Над гаванью стоял шум торговли,

крики грузчиков смешивались с голосами приезжих, а на улицах можно было услышать речь людей, прибывших из самых разных уголков огромного государства.

Город жил так, словно в нём одновременно происходили десятки разных жизней.

Иоане впервые почувствовал, насколько тесным был его прежний мир. Не потому, что тот был беден или лишён мудрости. Просто теперь перед ним открывалось пространство, где пересекались языки, верования, политические интересы и многовековые традиции.

— Ну что? — спросил его спутник, тот самый торговец книгами. — Стоило ехать?

— Я пока не знаю.

— А чего же ты ожидал?

Иоане продолжал смотреть на город.

— Думал, что, когда увижу его, мне станет понятнее, куда идти.

— И стало?

— Нет. Теперь я вижу, сколько дорог существует.

Торговец одобрительно кивнул.

— Это уже немало.

В Константинополе Иоане довольно быстро понял, что доступ к книгам ещё не означает доступа к знанию.

В книжных лавках можно было найти сочинения отцов Церкви, богословские трактаты, труды античных авторов, грамматические и риторические руководства. Но многие книги стоили дорого, некоторые существовали лишь в отдельных списках, а иные были доступны только тем, кто имел отношение к монастырским или придворным кругам.

Ему пришлось учиться не только читать, но и искать.

Он расспрашивал монахов, знакомился с переписчиками, посещал места, где собирались люди, интересовавшиеся науками. Постепенно перед ним возникала сложная картина византийской интеллектуальной жизни. Здесь философию изучали не как занятие праздного ума. Она была связана с богословием, образованием, вопросами устройства государства и пониманием самого человека.

Однажды он оказался в помещении, где несколько учёных обсуждали труд одного из древних философов. Разговор начался спокойно, но вскоре перешёл в горячий спор. Один из участников настаивал, что мысль автора следует понимать буквально. Другой возражал, утверждая, что без знания всей системы его рассуждений отдельная фраза теряет смысл.

Иоане слушал, стараясь не пропустить ни одного довода.

— А ты что думаешь? — неожиданно обратился к нему один из присутствующих.

Он не ожидал вопроса и немного растерялся.

— Я ещё недостаточно знаю, чтобы судить.

— Значит, ты не имеешь мнения?

— Имею. Но пока не могу доказать, что оно верно.

Несколько человек переглянулись.

— Осторожный ответ, — заметил старший участник беседы. — Но философия не любит одной осторожности. Она требует, чтобы человек умел защищать собственную мысль.

— Я постараюсь научиться.

— А если твоя мысль окажется ошибочной?

— Тогда мне придётся отказаться от неё.

Старший собеседник внимательно посмотрел на юношу.

— Не каждый способен на это. Многие предпочитают защищать ошибку, лишь бы не признавать поражения.

Иоане ничего не ответил. Он понимал, что пока не может соперничать с этими людьми ни знаниями, ни опытом. Но в их споре обнаружилось нечто, что привлекло его сильнее самих

философских положений: возможность исследовать мысль, подвергать её сомнению, сопоставлять с другими и не считать ни один авторитет освобождённым от разумного рассмотрения.

В тот вечер он долго не мог заснуть.

Перед ним словно открылась новая ступень образования. До сих пор он воспринимал книгу как источник знания, который нужно внимательно прочитать и усвоить. Теперь начинал понимать: подлинное изучение требует большего. Нужно восстановить ход рассуждения автора, понять его исходные предположения, увидеть, на какие вопросы он отвечал и какие проблемы оставил нерешёнными.

Книга переставала быть только предметом чтения. Она становилась собеседником.

В последующие месяцы Иоане всё чаще обращался к греческим текстам. Он понимал, что одного знания языка недостаточно: необходимо освоить терминологию, научиться различать оттенки понятий, прослеживать связи между отдельными философскими школами.

Особенно трудно давались сочинения, в которых речь шла о сущности бытия, природе души и происхождении множественности из единого начала. Эти рассуждения требовали такой сосредоточенности, что иногда после нескольких часов чтения он чувствовал себя уставшим сильнее, чем после долгой дороги.

Однажды знакомый монах, заметив его состояние, спросил:

— Зачем ты так мучаешь себя? Неужели нельзя выбрать книги попроще?

— Можно, — ответил Иоане.

— Но ты не выбираешь.

— Потому что простые ответы не всегда объясняют сложные вопросы.

— А сложные ответы всегда верны?

Иоане улыбнулся.

— Нет. Поэтому их и приходится проверять.

Монах покачал головой.

— Ты ищешь трудности там, где другие стараются их избежать.

— Возможно, потому, что они уже знают, что ищут. А я пока только начинаю понимать, чего не знаю.

Старик внимательно посмотрел на него.

— Береги себя, сын мой. Знание может сделать человека мудрым, но может и возгордить его. Не думай, что, научившись рассуждать о Боге, ты приблизился к Нему больше, чем человек, который умеет молиться в тишине.

Эти слова Иоане принял серьёзно.

Он не видел противоречия между верой и исследованием. Но уже понимал, что их отношения требуют особой осторожности. Философское рассуждение не должно превращаться в самолюбование, а вера — в отказ от мысли. Человеку необходимо сохранять смирение перед тем, что превосходит его возможности, и одновременно не бояться задавать вопросы там, где разум способен искать ответ.

Постепенно Константинополь переставал быть для него просто огромным городом. Он становился школой, в которой каждый день приносил новое испытание.

И всё же Иоане ещё не знал, что самое важное знакомство его интеллектуальной жизни будет связано не с отдельным учителем и не с одной книгой. Впереди его ожидал мир неоплатонической философии — сложная система взглядов, в которой вопрос о единстве и множественности занимал центральное место.

Ему предстояло встретиться с мыслью Прокла, но до этой встречи оставалось пройти ещё немало дорог.

Глава 3. Спор о невидимом

В Константинополе Иоане постепенно привыкал к тому, что даже самые обычные встречи могли неожиданно превращаться в философские беседы.

На рынке спорили о ценах, в порту — о морских путях, в монастырских дворах — о церковных делах, а в помещениях, где собирались образованные люди, разговоры нередко касались вопросов, которые невозможно было разрешить ни властью, ни богатством, ни одним лишь авторитетом древних книг.

Особенно оживлённые споры возникали вокруг природы души, происхождения мира и отношения человеческого разума к Божественному началу.

Иоане всё чаще посещал такие собрания. Поначалу он предпочитал молчать, внимательно прислушиваясь к каждому участнику. Но постепенно в его заметках стали появляться не только выписки из прочитанных книг, но и собственные рассуждения.

Он обнаружил, что философские положения, которые на первый взгляд казались отвлечёнными, имели прямое отношение к тому, как человек понимает самого себя.

Если душа бессмертна, что именно в ней сохраняется после смерти тела? Если мир сотворён Богом, означает ли это, что его устройство можно постичь разумом? Если всякое знание начинается с чувственного восприятия, каким образом человек приходит к пониманию того, что невозможно увидеть или потрогать?

Однажды вечером он задержался после беседы с несколькими образованными монахами. Разговор касался сочинений древних греков, и один из присутствующих заметил, что некоторые философские положения могут оказаться опасными, если принимать их без должного богословского осмысления.

— Опасны не книги, — возразил другой участник. — Опасно читать их невнимательно.

— А кто определит, насколько внимательно следует читать?

— Тот, кто понимает предмет.

— Но если сам предмет касается Бога, разве человеческому разуму дано судить о нём?

Иоане, до этого молчавший, поднял глаза.

— Простите, но разве разуму следует отказаться от вопроса только потому, что ответ превосходит его возможности?

Собеседники повернулись к нему.

— Ты полагаешь, что философия способна объяснить всё? — спросил старший монах.

— Нет. Но если она не способна объяснить всё, это ещё не означает, что ей не следует пытаться понять хотя бы часть.

— А если попытка приведёт к ошибке?

— Тогда нужно исправить ошибку.

Старший монах некоторое время смотрел на молодого человека, затем произнёс:

— Ты говоришь так, будто истина всегда готова принять того, кто ищет её с добрыми намерениями.

— Разве это не так?

— Добрых намерений недостаточно. Иногда человек искренне стремится к истине, но его разум приводит его туда, где он начинает отрицать то, что прежде признавал священным.

Иоане задумался.

— Значит, следует проверять не только выводы, но и сам путь рассуждения?

— Именно.

В этом ответе не было окончательного решения спора. Но молодой книжник почувствовал, что столкнулся с проблемой, которая будет сопровождать его долгие годы: как сохранить верность христианской вере и одновременно использовать философию как самостоятельный инструмент познания?

Он не хотел выбирать между разумом и верой только потому, что кто-то объявил их несовместимыми.

Однако понимал, что лёгкого ответа здесь не существует.

Имя Иоанна Итала он услышал не в первый день своего пребывания в Константинополе. О нём говорили как о человеке необычайного ума, знатоке философии и продолжателе интеллектуальной традиции, связанной с Михаилом Пселлом.

Итал происходил из Южной Италии, получил образование в византийской среде и приобрёл известность благодаря своим занятиям философией. Его имя было связано с преподаванием античной мысли, особенно платонической традиции, а также с острыми спорами о допустимых пределах философского рассуждения в христианском обществе.

Для Иоане это имя стало особенно важным.

Он хотел понять, почему вокруг философа возникали столь противоречивые оценки. Одни восхищались его образованностью, другие считали его рассуждения опасными. Но чем больше молодой грузин узнавал о византийской интеллектуальной жизни, тем яснее видел: подобные столкновения были не случайностью, а частью самой истории философии.

В XI веке споры вокруг Иоанна Итала приобрели особую остроту. В 1082 году его учение стало предметом церковного разбирательства, после которого были осуждены положения, связанные с рядом философских и богословских вопросов.

Иоанн внимательно изучал доступные сведения, пытаясь отделить реальные идеи Итала от позднейших пересказов и обвинений.

Однажды он спросил знакомого переписчика:

— Ты знаешь, почему его так боялись?

— Кого?

— Иоанна Итала.

Переписчик пожал плечами.

— Говорят, он слишком много рассуждал о том, о чём следовало бы молчать.

— А ты читал его сочинения?

— Некоторые.

— И что думаешь?

— Думаю, что не всякий человек способен спокойно слушать того, кто задаёт неудобные вопросы.

— Но ведь вопросы сами по себе не могут быть преступлением.

— Вопросы — нет. Однако иногда они становятся началом спора, который выходит далеко за пределы книжной комнаты.

Иоане задумался.

— Значит, философ должен бояться последствий собственных мыслей?

— Философ должен понимать, что живёт среди людей, а не среди одних только книг.

Эта мысль показалась ему важной.

Он не собирался превращать философию в средство противостояния вере или церковной традиции. Но и отказываться от исследования лишь ради спокойствия не хотел.

Впервые перед ним ясно обозначилась опасность, которую несёт свободная мысль в обществе, где религиозные убеждения, политическая власть и образование тесно переплетены.

В один из последующих дней Иоане получил возможность присутствовать при чтении философского текста, посвящённого природе единого начала.

Чтец медленно произносил греческие слова, время от времени останавливаясь, чтобы объяснить сложные выражения. Несколько слушателей делали записи. Другие предпочитали следить за ходом рассуждения, не отвлекаясь на письмо.

Иоане сидел ближе к стене, положив перед собой дощечку.

Речь шла о том, что всякое множество предполагает нечто объединяющее его, а любое сложное устройство мира требует объяснения того, каким образом отдельные части образуют целое.

— Если всё состоит из множества, — спросил один из слушателей, — откуда возникает единство?

— А если существует единое, — возразил другой, — каким образом из него происходит множество?

Чтец остановился.

— Именно этот вопрос и составляет одну из центральных трудностей философии.

Иоане поднял голову.

Ему показалось, что он уже встречался с этой мыслью, хотя раньше не мог сформулировать её так ясно. В природе всё было различным, но одновременно связанным. Человек состоял из множества частей, однако воспринимал себя как единое существо. Государство объединяло разные земли и народы. Даже книга, состоявшая из множества слов, становилась целостной только благодаря смыслу, который соединял их.

Но если искать начало этого единства, куда следовало направить мысль?

Он сделал несколько записей, затем остановился.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросил чтец.

— Мне кажется, мы слишком часто начинаем рассуждение с отдельных вещей, — ответил Иоане. — Но, возможно, прежде нужно понять, что делает их единым целым.

— А ты знаешь, что именно делает их единым?

— Нет. Но теперь понимаю, почему этот вопрос нельзя обойти.

Чтец внимательно посмотрел на него.

— Тогда тебе следует познакомиться с Проклом.

Иоане почувствовал, как внутри него словно открылось новое пространство.

— Кто он?

— Один из величайших представителей поздней платоновской философии. Его сочинения требуют терпения, точности и хорошей подготовки. Если ты действительно хочешь разобраться в природе единства и множественности, без него тебе будет трудно.

— Где можно найти его книги?

— Не всякая библиотека располагает полным собранием его трудов. И не всякий читатель способен пройти через них, не потеряв нить рассуждения.

— Но книги существуют?

— Существуют.

Иоане опустил глаза на свои записи.

В тот вечер он впервые услышал имя, которое впоследствии станет одним из главных в его интеллектуальной судьбе.

Прокл.

Он ещё не знал, сколько труда потребует знакомство с его философией. Не знал, что однажды возьмётся за перевод «Начал теологии» и создаст к ним обстоятельный комментарий. Не знал и того, что именно эта работа станет одним из важнейших памятников грузинской философской мысли.

Но теперь у него появилась новая цель.

Не просто читать древних авторов, а понять, как устроено само движение мысли.

Иоане вышел на улицу. Вечерний город шумел, над крышами медленно сгущались сумерки. Где-то звонили колокола, вдалеке слышались голоса торговцев, а в гавани продолжалась работа.

Он шёл по узкой улице и думал о едином начале, из которого, согласно философам, происходит множество вещей.

Возможно, именно этот вопрос и станет дорогой, ведущей его через всю жизнь.

Глава 4. Книга за семью печатями

В библиотеке, куда Иоане приходил почти каждый день, существовал особый порядок. Самые востребованные книги лежали на нижних полках, чтобы их можно было достать без посторонней помощи. Редкие рукописи хранились отдельно. Некоторые выдавали только в присутствии смотрителя, а к другим допускали лишь тех, кому доверяли настолько, чтобы не опасаться за сохранность драгоценных листов.

Однажды Иоане обратился к библиотекарю с просьбой показать ему сочинения Прокла.

Старик, сухощавый, с внимательными глазами и привычкой поправлять рукав перед каждым ответом, отложил пергамент, над которым работал.

— Прокла? А почему именно его?

— Мне сказали, что он сумел объяснить, как из единого возникает множество и каким образом мир сохраняет своё единство.

— Кто тебе это сказал?

— Один из учёных, у которых я слушал чтение философских текстов.

— И ты решил, что сможешь понять Прокла?

— Я решил, что должен попробовать.

Библиотекарь посмотрел на него с нескрываемым любопытством.

— Многие приходят сюда с подобными намерениями. Они слышат имя великого философа, находят его сочинения, читают несколько страниц и возвращаются к книгам, которые им понятнее.

— А вы считаете, что мне следует поступить так же?

— Я считаю, что сначала нужно узнать, что именно ты ищешь. Иначе даже самая великая книга окажется для тебя лишь собранием трудных слов.

Иоане не стал возражать.

— Я хочу понять, почему мир не распадается на отдельные, не связанные между собой вещи. Почему во всём существующем можно обнаружить порядок? И каким образом человеческий разум способен этот порядок постичь?

Старик некоторое время молчал, затем поднялся и направился к дальней части помещения. Там, за тяжёлой деревянной дверцей, находился шкаф с рукописями, которыми пользовались редко.

— Подожди здесь.

Он вернулся не сразу. В руках у него была книга в потемневшем переплёте. Старик положил её на стол, осторожно раскрыл и придержал страницы, чтобы те не свернулись.

— Это не весь Прокл, — сказал он. — Но здесь есть то, с чего можно начать.

Иоане склонился над рукописью.

Перед ним лежал текст, который требовал не просто знания греческого языка, а умения следить за сложнейшей последовательностью рассуждений. Каждое положение опиралось на предыдущее. Автор словно возводил здание, в котором нельзя было переставить ни одного камня, не нарушив целого.

— Что это за сочинение? — спросил Иоане.

— «Начала теологии».

— Почему оно так называется?

— Потому что автор пытается изложить основные положения о первоосновах сущего, о единстве, о причинах и порядке бытия. Но не думай, что название обещает тебе простое объяснение устройства мира.

Старик усмехнулся.

— Иногда самые короткие книги оказываются самыми трудными.

Иоане провёл взглядом по первой странице. В тексте встречались знакомые ему слова, но их сочетания образовывали совершенно новую систему понятий. Здесь нельзя было доволь-

ствоваться приблизительным пониманием. Ошибка в одном определении могла привести к неверному прочтению всего последующего рассуждения.

— Можно мне переписать несколько страниц?

— Можно. Но сначала прочитай их.

— Я и собирался.

— Нет, молодой человек. Ты собирался переписать. А это не одно и то же.

Библиотекарь придвинул к нему лампаду.

— Прочти первое положение. Потом скажи, что ты понял.

Иоане начал читать.

К вечеру он успел пройти лишь несколько страниц.

Сначала ему казалось, что трудность заключается в незнакомых терминах. Он выписывал их на отдельную дощечку, сопоставлял значения, возвращался к уже прочитанному. Но постепенно понял, что проблема глубже. Прокл не просто сообщал сведения. Он требовал от читателя принять участие в движении мысли.

Каждое доказательство заставляло проверять предыдущие рассуждения. Каждое определение имело значение для последующих выводов. В тексте не было случайных переходов, которыми можно было бы пренебречь ради общего впечатления.

Иоане отложил перо.

— Не получается, — произнёс он.

Библиотекарь, сидевший неподалёку, поднял голову.

— Что именно?

— Я понимаю отдельные положения, но не могу удержать всю последовательность.

— Значит, ты торопишься.

— Я читаю медленно.

— Медленно — не значит внимательно. Ты пытаешься запомнить то, что ещё не осмыслил.

Иоане посмотрел на него.

— Но если я буду останавливаться после каждой строки, то никогда не закончу книгу.

— А если прочитаешь её быстро, но не поймёшь, разве это будет лучше?

Молодой человек невольно улыбнулся.

— Вы, кажется, получаете удовольствие, когда ставите ученика в затруднительное положение.

— Нет. Я получаю удовольствие, когда он начинает понимать, почему оказался в затруднительном положении.

Старик придвинул к нему рукопись.

— Попробуй иначе. Не спрашивай, что автор хочет сказать на этой странице. Спроси, почему он не может сказать это иначе. Какое положение ему необходимо доказать прежде, чем перейти к следующему?

Иоане снова склонился над текстом.

Теперь он читал не торопясь, словно пытался услышать внутренний ритм рассуждения. Постепенно отдельные положения начали связываться между собой. Он ещё не постигал философию Прокла, но уже ощущал её архитектуру.

И это открытие поразило его.

Перед ним был не просто текст древнего учёного. Перед ним возникал целый способ мышления, в котором каждая мысль имела своё место, а доказательство становилось дорогой от одного понятия к другому.

Он вдруг понял, что философия может быть не только размышлением о мире, но и строгим искусством построения мысли.

С тех пор Иоане стал возвращаться к рукописи при каждой возможности.

Иногда он задерживался в библиотеке до тех пор, пока смотритель не напоминал ему о времени закрытия. Иногда брал записи с собой и продолжал работу в уединении. Его листы постепенно заполнялись определениями, вопросами, краткими замечаниями и попытками самостоятельно восстановить ход доказательств.

Но чем глубже он погружался в текст, тем сильнее ощущал одну трудность.

Прокл писал для людей, владевших определённой философской традицией. Его термины были понятны подготовленному читателю, однако для человека, не знакомого с предшествующими рассуждениями, многие положения могли показаться почти непостижимыми.

Иоане задумался: если даже образованному читателю приходится прилагать такие усилия, то каким образом философское наследие может стать достоянием других народов?

Он вспомнил свою родину.

В Грузии были монастыри, книжники, переводчики, учёные люди, существовала богатая традиция духовной литературы. Но далеко не каждый сложный греческий текст был доступен на грузинском языке. А ведь язык не должен становиться преградой для мысли.

Однажды он поделился этим размышлением с библиотекарем.

— Ты хочешь перевести Прокла? — удивился старик.

— Пока я хочу понять его.

— Это разумное начало.

— Но если пойму, разве не следует передать его другим?

— А ты уверен, что сумеешь сохранить смысл?

— Не уверен. Поэтому и придётся учиться.

Старик задумался.

— Переводчик иногда оказывается в более трудном положении, чем сам философ. Автор может позволить себе сложное выражение, потому что знает, что имеет в виду. Переводчик же должен найти слова, которые донесут мысль до человека, живущего в другой языковой и культурной среде.

— Значит, недостаточно заменить одно слово другим?

— Разумеется. Нужно понять, почему автор выбрал именно это слово и какое место оно занимает в его рассуждении.

Иоане посмотрел на раскрытую рукопись.

— Тогда перевод тоже становится философской работой.

— Если переводчик действительно понимает то, что переводит, — ответил старик. — В противном случае он лишь переносит непонятные слова из одной книги в другую.

Они оба рассмеялись.

Но для Иоане эта беседа стала важнее, чем могло показаться со стороны. Впервые он увидел перед собой задачу, которая соединяла бы два его стремления: постичь древнюю философию и сделать её доступной людям, говорившим на его родном языке.

Он ещё не знал, каким окажется его дальнейший путь. Не знал, где ему предстоит работать, сколько раз придётся менять место пребывания и какие трудности возникнут на пути. Но постепенно в его сознании складывалось понимание собственного призвания.

Учиться ради себя было недостаточно.

Знание должно продолжать жить после того, как человек, открывший его для себя, покинет этот мир.

И, возможно, именно в этом заключалось главное предназначение книги.

Поздно вечером Иоане вышел из библиотеки. В коридоре было темно, лишь из соседнего помещения пробивался свет небольшой лампады. Он остановился, прислонился к прохладной стене и закрыл глаза.

В памяти возникли слова, прочитанные в начале рукописи. Он повторил их про себя, затем попытался восстановить доказательство.

Получилось не сразу.

Он вернулся за стол, снова открыл книгу и продолжил работу.

За окнами постепенно затихал город. Где-то вдалеке раздавались голоса, закрывались лавки, последние прохожие торопились домой. Но в небольшой библиотеке ещё долго горел огонь.

Иоане не замечал, как проходит время.

В эту ночь он не открыл окончательную истину и не постиг тайну мироздания. Он сделал нечто гораздо более скромное, но необходимое: научился не отступать перед трудной мыслью. А это было первым условием его будущего философского труда.

Глава 5. Когда ученик начинает спорить

Прошло немало времени с тех пор, как Иоане впервые открыл рукопись Прокла. Теперь он уже не испытывал прежнего смущения перед сложными построениями древнего философа. Многие понятия, которые прежде казались ему непроницаемыми, постепенно обретали ясность. Он научился прослеживать последовательность доказательств, различать исходные положения и выводы, замечать, когда автор переходит от одного уровня рассуждения к другому.

Но вместе с пониманием приходило новое беспокойство.

Чем глубже Иоане проникал в философскую систему Прокла, тем чаще обнаруживал, что согласие с отдельным положением ещё не означает согласия со всей системой. Иногда мысль казалась безупречной в пределах одного доказательства, но вызывала вопросы, когда её сопоставляли с другими представлениями о мире.

Иоане начал вести особые записи. В одной части листа он выписывал положения Прокла, в другой — собственные замечания. Иногда между ними возникали короткие вопросы, на которые он пока не мог ответить.

Однажды библиотекарь, заглянув через его плечо, заметил:

— Ты стал чаще спорить с автором.

— Я не спорю. Я пытаюсь понять.

— Раньше ты говорил то же самое, когда просто не соглашался.

— Теперь я хотя бы могу объяснить, почему не соглашаюсь.

Старик усмехнулся.

— Это уже опаснее.

— Для кого?

— Для учителя, если ученик действительно научился думать самостоятельно.

Иоане отложил перо.

— Разве учитель должен желать, чтобы ученик оставался зависимым от его мнения?

— Нет. Но многие именно этого и желают. Им нравится, когда их слушают, повторяют за ними и благодарят за каждое объяснение. Гораздо труднее встретить человека, который однажды приходит и говорит: «Учитель, здесь вы ошиблись».

— А если он действительно ошибся?

— Тогда учитель должен выслушать его доводы.

Иоане задумался.

— Значит, право на сомнение принадлежит не только ученику?

— Разумеется. Иначе обучение превращается в передачу чужой уверенности.

Эти слова глубоко запали ему в память.

Вскоре Иоане получил возможность присутствовать при философской беседе, где обсуждались вопросы соотношения первопричины и мира явлений. Среди участников находились люди с различной подготовкой и взглядами. Одни придерживались традиционного толкования античных авторов, другие пытались согласовать философские положения с христианским учением.

Разговор начался с обсуждения природы причинности, но постепенно перешёл к более сложной проблеме.

— Если всё существующее имеет причину, — сказал один из собеседников, — то необходимо признать существование первоначала, которое не зависит от чего-либо другого.

— Это понятно, — ответил другой. — Но каким образом от единого первоначала возникает множество различных вещей?

— Через последовательность причин и следствий.

— Тогда не появляется ли опасность представить первоначало лишь первым звеном бесконечной цепи?

— Нет, если признать его особую природу.

Иоане слушал, внимательно следя за ходом разговора. Он уже встречал подобные рассуждения у Прокла, но теперь видел, как одни и те же понятия становились предметом различных толкований.

Наконец один из присутствующих обратился к нему:

— Ты давно изучаешь эти вопросы. Каково твоё мнение?

— Я думаю, что прежде необходимо определить, что именно мы называем причиной.

— Разве это не очевидно?

— Если бы было очевидно, мы не спорили бы столько времени.

Несколько человек улыбнулись.

— Продолжай, — предложил собеседник.

— Когда мы говорим о причине отдельной вещи, то обычно подразумеваем нечто, благодаря чему она возникает. Но если речь идёт о первоначале всего сущего, нельзя без дополнительных доказательств переносить на него обычные представления о причинности. Иначе мы рискуем приписать ему свойства того мира, который сами пытаемся объяснить.

Старший участник беседы медленно кивнул.

— Ты прочитал это у Прокла?

— Некоторые основания для такого рассуждения я нашёл у него. Но сам вопрос возник у меня при сопоставлении разных положений.

— Значит, ты уже не просто читаешь.

— Я всё ещё учусь.

— Хорошо. Только помни: самостоятельность мысли не освобождает от обязанности доказывать её.

Иоане склонил голову.

Он понимал, что пока его знания недостаточны для больших философских споров. Но впервые почувствовал удовлетворение не от того, что сумел правильно воспроизвести чужое рассуждение, а от того, что обнаружил собственный вопрос и сумел выразить его словами.

В тот вечер он долго сидел над своими записями.

Внешне всё казалось простым: несколько листов, чернильница, перо, небольшая лампада. Но перед ним разворачивалась проблема, которая затрагивала самые основания человеческого мировоззрения.

Как совместить философское представление о единстве первоначала с христианским пониманием Бога? Можно ли пользоваться языком античной философии, не принимая автоматически всех её предпосылок? Где заканчивается полезное заимствование и начинается опасность искажения вероучения?

Иоане не хотел отвечать на эти вопросы поспешно.

Он знал, что философские системы создавались в определённых исторических обстоятельствах. Платон и Аристотель принадлежали к разным интеллектуальным традициям. Плотин развил собственное понимание единого и исходящего из него умопостигаемого мира. Прокл придал неоплатонической философии особую стройность, выстроив сложную систему отношений между первопринципами, умопостигаемым миром и чувственной действительностью.

Но Иоане жил в христианском мире. Для него вопрос о первоначале не мог оставаться только логической задачей. Он был связан с пониманием Бога, творения, человеческой души и спасения.

Возможно ли использовать философскую строгость Прокла, не превращая христианское богословие в простое приложение к античной системе?

Именно этот вопрос всё настойчивее занимал его.

На следующий день он снова встретился с библиотекарем и показал ему несколько записей.

Старик долго читал, время от времени возвращаясь к отдельным строкам.

— Ты пытаешься соединить две традиции, — произнёс он наконец.

— Я пытаюсь понять, где они соприкасаются, а где расходятся.

— Это непростая задача.

— Я уже понял.

— И всё же ты не отказываешься от неё?

— Нет. Но мне кажется, что прежде, чем соединять, нужно научиться различать.

Библиотекарь отложил листы.

— Вот это разумно. Не торопись объявлять согласие там, где существуют различия. Иногда честное признание противоречия приносит больше пользы, чем искусственное примирение.

Иоане забрал записи.

Эти слова он тоже сохранил в памяти.

В последующие месяцы его занятия стали ещё более напряжёнными. Он продолжал изучать греческую философию, знакомился с богословскими сочинениями, сопоставлял различные толкования и постепенно расширял круг своих интересов.

Но вместе с тем менялось его отношение к самому процессу обучения.

Прежде он стремился получить как можно больше знаний. Теперь всё чаще задумывался о том, как именно знание становится пониманием. Он видел, что человек может прочитать множество книг, запомнить имена философов, выучить определения и всё же остаться неспособным самостоятельно рассуждать.

Настоящее образование начиналось там, где ученик переставал бояться собственного вопроса.

Однажды, возвращаясь после занятий, Иоане увидел на улице спор двух молодых людей. Один обвинял другого в том, что тот неправильно истолковал слова древнего автора. Второй отвечал, что его противник сам не понимает прочитанного.

Спор становился всё громче, а доводы — всё слабее.

Иоане остановился, некоторое время наблюдал за ними, затем тихо произнёс:

— Странно. Они оба хотят доказать, что понимают книгу, но ни один не пытается понять друг друга.

Он пошёл дальше.

Ему всё яснее становилось, что философия требует не только способности рассуждать, но и внутренней дисциплины. Нужно уметь слушать, признавать неполноту собственных знаний, различать уверенность и доказанность, не превращать спор в состязание самолюбий.

Эти качества ещё предстояло выработать.

Но в Иоане уже формировался человек, которому было мало повторять мудрость древних. Он хотел вступить с ней в настоящий диалог.

И когда однажды перед ним вновь раскрылась рукопись Прокла, он увидел в ней уже не неприступную вершину, а дорогу, по которой можно было двигаться дальше.

Впереди оставались новые вопросы и некоторые из них ему предстояло разрешить самому.

Глава 6. Цена перевода

В тот день дождь начался ещё до рассвета. Он стучал по черепичным крышам, стекал по каменным стенам и превращал узкие улицы Константинополя в мутные ручьи. Город просыпался неохотно: торговцы медлили с открытием лавок, погонщики укрывали лошадей под

навесами, а прохожие торопились укрыться от холодного ветра, который дул со стороны пролива.

Иоане сидел у небольшого окна, склонившись над рукописью. Перед ним лежали листы с греческими строками, рядом — его собственные заметки. Несколько слов он обвёл чернилами, другие зачеркнул, а возле третьих поставил вопросительные знаки. Уже второй час он пытался найти грузинское выражение, которое могло бы передать смысл одного из ключевых понятий Прокла.

Но всякий раз, когда ему казалось, что решение найдено, смысл ускользал.

Он отложил перо и потёр уставшие глаза.

— Ты опять воюешь с одним словом? — раздался голос за спиной.

У двери стоял греческий переписчик по имени Михаил. Он был старше Иоане лет на двадцать, носил короткую седую бороду и обладал той особенностью, которая раздражала молодых учеников: никогда не торопился отвечать на вопрос, пока не убедится, что вопрос действительно заслуживает ответа.

— Не со словом, — сказал Иоане. — С мыслью, которую оно удерживает.

Михаил подошёл к столу и посмотрел на лист.

— Какое слово?

— Начало. Но не начало во времени. То, от чего зависит существование всего остального.

— И что же тебе мешает?

— В нашем языке есть слова, которые обозначают начало пути, начало жизни, начало события. Но здесь речь идёт о том, что не просто предшествует всему. Оно даёт всему возможность быть.

Михаил некоторое время молчал.

— А ты уверен, что обязан найти одно слово?

Иоане поднял глаза.

— Если я заменю его длинным объяснением, читатель потеряет мысль.

— А если оставишь слово без объяснения, он может потерять её ещё быстрее.

В этих словах не было насмешки. Михаил говорил спокойно, словно предлагал рассмотреть задачу с другой стороны.

— Значит, ты советуешь мне комментировать перевод?

— Я советую тебе не бояться объяснять то, что невозможно передать одним словом. Но помни: комментарий не должен становиться костылём для плохого перевода.

Иоане улыбнулся.

— Ты умеешь поддержать человека.

— Я умею не давать ему слишком рано считать себя победителем.

Михаил взял лист и указал на одну из строк.

— Вот здесь ты передал мысль правильно, но тяжело. А здесь — красиво, но неточно. Что выберешь?

— Точность.

— Даже если грузинская фраза станет менее благозвучной?

— Если я пожертвую смыслом ради звучания, то переведу не Прокла, а самого себя.

Михаил одобрительно кивнул.

— Хорошо сказано. Только не забывай, что мысль должна не просто сохраниться на бумаге. Она должна дойти до другого человека.

Эти слова запомнились Иоане.

Вскоре в комнату вошёл молодой переписчик Давид, с которым они познакомились несколько недель назад. Он принёс свёрток бумаги и сообщил, что в соседнем помещении ждут несколько учеников. Один из них, грузинский юноша, недавно прибывший в город, просил разрешения послушать чтение.

— Он говорит по-гречески? — спросил Иоане.

— Немного. Но больше понимает, чем может сказать.

— Пусть войдёт.

Через некоторое время появился худощавый юноша с дорожной сумкой через плечо. Он держался сдержанно, но в его взгляде было заметно волнение.

— Меня зовут Арсен, — представился он по-грузински. — Я слышал, что здесь читают книги древних философов. Мне сказали, что ты тоже из нашей земли.

Иоане приветливо указал ему на свободное место.

— Садись. Что ты хочешь услышать?

Арсен немного растерялся.

— Я не знаю, с чего начинают такие разговоры.

— Тогда начнём с того, что тебя привело сюда.

Юноша опустил глаза.

— Дома мне говорили, что человеку достаточно верить и исполнять то, чему его научили. Но я не понимаю, почему одни вопросы запрещают задавать, а другие называют полезными. Разве желание понять может быть дурным?

Иоане посмотрел на Михаила. Тот не вмешивался, но слушал внимательно.

— Само желание понять не дурно, — ответил Иоане. — Но человек должен быть готов принять не только тот ответ, который ему понравится.

— А если ответ окажется страшным?

— Тогда придётся выяснить, страшен ли он сам по себе или только потому, что разрушает привычное представление.

Арсен задумался.

— Значит, сомневаться можно?

— Сомнение бывает разным. Одно рождается от лености и желания отвергнуть всё, чего не понимаешь. Другое — от честного стремления не принять ложь за истину. Первое закрывает дорогу. Второе заставляет искать.

Юноша медленно кивнул.

В тот день Иоане не стал продолжать чтение Прокла. Вместо этого он предложил Арсену небольшой отрывок, который тот должен был прочитать вслух. Греческие слова давались юноше с трудом, и несколько раз он останавливался, не зная, как произнести очередную строку.

Но Иоане не торопил его.

Он вдруг понял, что всё утро искал подходящее слово для одной философской мысли, а теперь перед ним находился человек, которому требовалось гораздо больше, чем точный перевод. Ему требовалась дорога к самому знанию.

Когда занятие закончилось, Арсен задержался у двери.

— Ты будешь читать эту книгу и дальше?

— Буду.

— А я смогу приходить?

— Если будешь приходить не ради того, чтобы соглашаться со мной, а ради того, чтобы думать самостоятельно.

Юноша впервые улыбнулся.

После его ухода Михаил собрал листы со стола и заметил:

— Сегодня ты почти не занимался переводом.

— Напротив. Возможно, сегодня я впервые понял, для кого его делаю.

— И для кого же?

Иоане посмотрел на рукопись.

— Для тех, кто ещё не знает греческого. Для тех, кто не может добраться до этих книг. Для тех, кому не хватает слов, чтобы задать свой вопрос.

Михаил положил листы на место.

— Тогда твоя работа окажется труднее, чем ты думал.

— Я уже начинаю это понимать.

За окном дождь понемногу стихал. На мокрых камнях отражался свет позднего утра. Иоане снова взял перо, но теперь не спешил записывать первое пришедшее на ум выражение.

Он начал с самого начала — медленно, внимательно, проверяя каждую мысль.

И впервые увидел в переводе не только служение древнему автору, но и ответственность перед теми, кто однажды откроет эту книгу на родном языке.

Глава 7. Чужая мудрость и собственный голос

Зима в Константинополе выдалась сырой и ветреной. Холод проникал даже в те помещения, где днём горели масляные светильники, а по утрам на каменных ступенях появлялась тонкая корка льда. В монастырских дворах стало тише: приезжие ученики разъехались, торговцы реже задерживались у ворот, и даже привычные разговоры в библиотеке звучали приглушённо.

Иоане проводил за рукописями почти всё свободное время. Он уже не просто читал Прокла, а пытался проследить внутреннюю связь между отдельными положениями его учения. Чем дальше он продвигался, тем отчётливее понимал: перед ним не собрание отвлечённых рассуждений, а целое здание мысли, в котором нельзя без последствий вынуть один камень.

Однажды вечером Михаил принёс ему другую рукопись.

— Посмотри, — сказал он. — Здесь рассуждение о природе человека. Автор пытается соединить наблюдение за телом с вопросами о душе.

Иоане осторожно развернул свиток.

— Немесий Эмесский?

— Ты его знаешь?

— Слышал о его труде. Но пока не читал целиком.

— Тогда у тебя появился ещё один собеседник.

Иоане начал читать. Текст оказался иным по характеру. Здесь философская мысль приближалась к повседневной жизни: к телесным ощущениям, памяти, сну, воле, способности человека выбирать. Автор не отрывал душу от человеческого существования, но и не сводил человека к устройству тела.

Иоане увлёкся.

— Здесь есть то, чего мне не хватало, — произнёс он наконец.

— Чего именно?

— Прокл заставляет смотреть вверх, к причинам и первоосновам. А Немесий возвращает взгляд к самому человеку. К тому, кто страдает, ошибается, помнит, боится смерти и всё-таки ищет смысл.

Михаил присел напротив.

— Значит, один философ тебе уже не кажется достаточным?

— Разве истина обязана помещаться в одной книге?

— Нет. Но и нельзя собирать книги, словно камни на дороге, надеясь, что из них сама собой сложится стена.

Иоане задумался.

— Нужно найти связь.

— Именно. Только не торопись объявлять, что нашёл её.

В этот момент в помещение вошёл Арсен. За последние недели он заметно изменился: перестал робеть перед греческими текстами, научился внимательно слушать и уже мог самостоятельно переводить небольшие отрывки. Но сегодня он выглядел расстроенным.

— Что случилось? — спросил Иоане.

— Я разговаривал с одним человеком из нашего землячества. Он сказал, что философские книги могут отвратить меня от веры. Что лучше не задавать вопросов, на которые не каждый способен ответить.

— А ты что ему ответил?

— Ничего. Я не нашёл слов.

Иоане отложил рукопись.

— Арсен, скажи мне: когда ты смотришь на горы, ты перестаёшь верить в Творца только потому, что хочешь понять, как они устроены?

— Нет.

— А когда узнаёшь, почему река меняет направление, разве река становится для тебя менее прекрасной?

— Нет, конечно.

— Тогда почему мысль должна быть опаснее гор и рек? Разве разум дан человеку лишь для того, чтобы он боялся им пользоваться?

Арсен некоторое время молчал.

— Но ведь можно заблудиться.

— Можно. Именно поэтому нужно учиться отличать знание от самомнения, исследование от гордыни, вопрос от желания непременно оказаться правым.

Михаил усмехнулся:

— Похоже, теперь ты сам становишься наставником.

— Нет, — ответил Иоане. — Я только пытаюсь не забыть, каково это — не знать.

Он снова посмотрел на рукопись Немесия.

В ту ночь ему долго не удавалось заснуть. Он думал о двух книгах, о двух разных путях рассуждения и о том, как трудно будет однажды передать их содержание людям, для которых греческий язык останется чужим.

Но постепенно перед ним вырисовывалась задача, значительно более широкая, чем перевод отдельных произведений. Он хотел, чтобы грузинский читатель мог не просто познакомиться с чужой мудростью, но вступить с ней в разговор, не теряя собственного языка и духовного мира.

И тогда впервые возникла мысль, что работа над одной книгой может оказаться лишь началом долгого пути.

Глава 8. Голос родной земли

Весна пришла неожиданно. После долгих дождей над проливом установились ясные дни, и Константинополь словно сбросил с себя зимнюю усталость. В порту снова стало многолюдно. Прибывали корабли из разных земель, купцы спорили о ценах, моряки рассказывали о дальних берегах, а на площадях смешивались языки, в которых Иоане уже научился различать не только звуки, но и характеры народов.

Однажды Михаил сообщил, что в город прибыл грузинский монах, направляющийся дальше на запад. Он привёз письма и несколько новостей из родной земли.

Иоане поспешил встретиться с ним.

Монаха звали отец Гавриил. Он был невысок, широк в плечах, с усталым лицом и удивительно живыми глазами. За плечами его лежали долгие дороги, и говорил он неторопливо, будто каждое слово должно было сначала пройти через память.

— Ты из Самцхе? — спросил Иоане.

— Оттуда, — ответил монах. — Но последние годы провёл в разных обителях. Дороги у нас теперь длинные, а забот у монастырей больше, чем прежде.

Они устроились в небольшом помещении при обители. Отец Гавриил рассказывал о людях, о переменах в монастырской жизни, о книжниках и переписчиках. Он не стремился

пересказывать события по порядку. В его рассказах история страны складывалась из человеческих судеб: один монастырь нуждался в новых книгах, другой собирал учеников, третий терял старые рукописи из-за сырости и пожаров.

Иоане слушал с особым вниманием.

— А в Грузии читают греческих философов? — спросил он.

— Читают, когда есть кому читать и когда есть что читать. Но рукописей мало. Некоторые книги понимают лишь немногие. Молодые монахи часто знают молитвы наизусть, но не всегда могут объяснить, почему именно так устроена мысль богослова.

— Значит, нам предстоит большая работа.

Отец Гавриил внимательно посмотрел на него.

— Тебе?

— Всем, кто способен помочь.

— А ты сам чем занят здесь?

Иоане рассказал о занятиях философией, о Прокле, о Немесии, о трудностях перевода.

Монах слушал, не перебивая. Когда Иоане закончил, он некоторое время молчал.

— Ты хочешь принести эти книги на родную землю?

— Не только книги. Я хочу принести возможность их понимать.

— Это достойное желание. Но ты должен знать одну вещь. В Грузии не ждут человека, который вернётся и станет учить всех жить. Там достаточно людей, которые считают себя мудрыми.

Иоане рассмеялся.

— Значит, мне придётся сначала научиться молчать?

— Иногда это полезнее, чем говорить. Но если у тебя есть знание, которое может послужить людям, прятать его тоже не следует.

Отец Гавриил достал из дорожной сумки небольшой свёрток.

— Здесь несколько листов, переписанных одним братом. Не самая важная рукопись, но почерк хороший. Я вёз её для одного монастыря. Посмотри.

Иоане развернул листы. Это был фрагмент богословского текста на грузинском языке. Он узнал отдельные выражения, но некоторые места были написаны небрежно, а смысл нескольких фраз оказался искажён.

— Кто переписывал?

— Молодой брат. Старался, как мог.

— Здесь пропущены целые строки.

— Знаю. Но у нас не всегда есть возможность переписать заново.

Иоане провёл пальцем по краю листа.

— А если бы у вас была книга, которую можно было бы читать и понимать без постоянного обращения к греческому оригиналу?

Отец Гавриил улыбнулся.

— Тогда её берегли бы как сокровище.

— А если таких книг стало бы много?

— Тогда у нас было бы больше людей, способных не только переписывать, но и мыслить.

Эти слова прозвучали просто, почти буднично, однако Иоане почувствовал, как в нём что-то изменилось. До этого перевод казался ему трудом учёного, который должен преодолеть языковую преграду. Теперь он увидел другую сторону дела: за каждой страницей стоял человек, которому эта страница могла открыть новый мир.

Вечером они долго гуляли по городу. Отец Гавриил рассказывал о грузинских монастырях за пределами родины, о братьях, которые жили вдали от своих семей и не знали, когда смогут вернуться. Иоане спрашивал о книгах, об учителях, о молодых учениках, и постепенно разговор перешёл к тому, чего обоим недоставало больше всего.

— Знаешь, — сказал отец Гавриил, остановившись у каменной ограды, — человек может прожить много лет вдали от дома и привыкнуть к чужим улицам. Но однажды услышит родную речь — и поймёт, что всё это время чего-то ждал.

Иоане посмотрел на него.

— Я иногда ловлю себя на том, что мысленно перевожу греческие слова на грузинский. Даже когда разговариваю с людьми, слышу внутри два языка.

— Значит, один из них уже просится наружу.

Отец Гавриил уехал через несколько дней. Перед дорогой он крепко обнял Иоане и сказал:

— Не торопись возвращаться только потому, что соскучился. Но и не забывай, ради чего уехал.

После его отъезда Иоане долго стоял у ворот обители. В руках он держал небольшой лист с грузинской записью, который монах оставил ему на память.

Вечером он достал свои тетради и открыл чистую страницу.

Вверху написал несколько слов на родном языке, затем остановился. Он ещё не знал, с какого произведения начнёт будущую большую работу, сколько времени она потребует и какие препятствия встретит на пути.

Но теперь перед ним стоял не отвлечённый вопрос о возможности перевода.

Он услышал голос родной земли и этот голос уже нельзя было заставить замолчать.

Глава 9. Испытание молчанием

После отъезда отца Гавриила Иоане несколько дней не возвращался к прежнему распорядку. Он по-прежнему занимался рукописями, встречался с Михаилом и помогал молодым ученикам, но мысли его всё чаще обращались к родной земле. Теперь он видел перед собой не только книги, которые следовало перевести, но и людей, которым они предназначались.

Однажды Михаил пригласил его на встречу с несколькими учёными монахами. Разговор должен был состояться в доме при небольшой библиотеке, куда иногда приходили люди, интересовавшиеся богословием и философией.

Среди собравшихся Иоане заметил человека лет пятидесяти, худого, с длинными пальцами и внимательным, почти неподвижным взглядом. Его звали Феодор. Он занимался толкованием древних текстов и пользовался уважением тех, кто знал его труды.

Когда разговор коснулся Прокла, Феодор обратился к Иоане:

— Мне сказали, ты изучаешь его сочинения.

— Стараюсь понять их.

— И что же ты нашёл в них такого, чего не мог бы найти у христианских авторов?

Вопрос был задан спокойно, но в нём чувствовалось желание проверить собеседника.

— Я не ищу у Прокла того, чего нет у христианских мыслителей, — ответил Иоане. — Мне интересно, как человеческий разум пытался постичь устройство мира до нас и какие вопросы остаются открытыми даже после появления новых ответов.

Феодор слегка прищурился.

— А если древний философ ошибается?

— Тогда следует понять, в чём именно он ошибается. Нельзя опровергнуть мысль, не разобравшись в ней.

— Ты говоришь так, словно всякая мысль заслуживает внимания.

— Не всякая. Но прежде чем отвергнуть её, нужно знать, что именно отвергаешь.

За столом наступила тишина. Один из присутствующих опустил глаза, другой едва заметно улыбнулся.

Феодор не стал спорить. Он лишь попросил Иоане привести пример.

Тот заговорил о единстве, о происхождении множества, о связи причины и следствия. Он не пытался повторять Прокла дословно, а объяснял, как сам понимал его рассуждения. Постепенно разговор оживился. Несколько человек задавали вопросы, и Иоане отвечал, иногда признаваясь, что ещё не нашёл окончательного решения.

Но когда речь зашла о том, можно ли перенести подобные рассуждения на язык христианского богословия, Феодор вновь вмешался.

— Ты должен быть осторожен. Чужая система способна увлечь настолько, что человек перестанет замечать, куда она его ведёт.

— Согласен, — ответил Иоане. — Но осторожность не должна превращаться в запрет на исследование.

— А кто определит границу?

— Совесть, знание и ответственность перед истиной. И, конечно, понимание того, что человеческий разум не всесилен.

Феодор долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на Михаила.

— У тебя появился ученик, который умеет отвечать.

— Он уже давно не нуждается в том, чтобы я подсказывал ему каждое слово, — заметил Михаил.

После встречи они вышли во двор. Михаил некоторое время молчал, затем спросил:

— Ты заметил, что Феодор был недоволен?

— Заметил.

— И всё-таки продолжал.

— Он спросил — я ответил.

— Не всякий вопрос задаётся ради ответа.

Иоане остановился.

— А ради чего же?

— Иногда человек проверяет не твоё знание, а твою способность уступить.

— Значит, я должен был промолчать?

— Нет. Но иногда полезно дать собеседнику время услышать не только собственные возражения.

Иоане задумался. Ему не хотелось признавать, что Михаил прав, но он понимал: в споре он слишком увлёкся желанием защитить право на исследование.

Вечером он снова открыл рукопись Прокла. Несколько строк, которые прежде казались ему совершенно ясными, теперь предстали в ином свете. Он стал внимательнее различать то, что принадлежало древнему автору, и то, что добавлял от себя.

И впервые задумался о том, что переводчик должен обладать не только смелостью, но и смирением.

Смелость позволяла ему задавать вопросы. Смирение не давало превращать собственные ответы в новую догму.

В ту ночь Иоане сделал в тетради короткую запись:

«Не следует бояться чужой мысли, но нельзя и становиться её пленником. Понять — ещё не значит согласиться. Перевести — ещё не значит принять».

Он перечитал написанное и закрыл тетрадь.

Впереди его ожидала работа, в которой каждое слово могло стать предметом спора. И он постепенно учился выдерживать этот спор без вражды.

Глава 10. Рукопись, пережившая огонь

Несколько недель спустя в библиотеке случилось несчастье.

В один из ветреных вечеров служитель, зажигавший светильники, не заметил, что возле деревянной полки осталась тлеющая щепка. Огонь сначала был почти незаметен. Его обнаружили лишь тогда, когда в помещении появился запах дыма.

Монахи бросились к полкам. Кто-то выносил книги, кто-то накрывал тканью горящие участки, кто-то звал на помощь. В тесном помещении поднялась суматоха.

Иоане в тот вечер находился в соседней комнате. Услышав крики, он выбежал в библиотеку и увидел, как Михаил пытается снять с верхней полки тяжёлый переплёт.

— Оставь его! — крикнул Иоане. — Потолок может обрушиться!

— Здесь рукописи!

— Рукописи не стоят человеческой жизни!

Он схватил Михаила за плечо и оттащил к выходу. В ту же минуту часть деревянной конструкции с грохотом упала на пол.

Когда пламя удалось погасить, библиотека представляла собой печальное зрелище. Несколько полок были уничтожены, другие покрылись копотью. На полу лежали обгоревшие листы, а в воздухе стоял тяжёлый запах дыма.

Михаил сидел у стены, закрыв лицо ладонями.

— Там были старые списки, — произнёс он. — Некоторые существовали в единственном экземпляре.

Иоане ничего не ответил. Он понимал, что никакие слова сейчас не помогут.

Они стали разбирать уцелевшие книги. Многие удалось спасти, но часть рукописей оказалась повреждена настолько, что прочитать текст было невозможно.

В глубине помещения Иоане обнаружил небольшой свёрток, который прежде не замечал. Он лежал под упавшей доской, завернутый в плотную ткань. Края были обожжены, но внутри сохранились несколько листов.

Иоане осторожно развернул их.

Это оказался фрагмент текста Немесия Эмесского.

Он долго смотрел на обугленные края. Ему вспомнился разговор с Михаилом о переводе, о точности, о том, что мысль должна дойти до другого человека. Теперь он видел, насколько хрупким может быть даже самый прочный труд человеческого разума.

— Ты нашёл что-нибудь? — спросил Михаил.

Иоане показал ему листы.

— Немесий. Не всё уцелело, но часть текста можно прочитать.

Михаил осторожно принял рукопись.

— Значит, не всё погибло.

— Нет. Но мы должны сделать копию, пока сохранившиеся строки ещё можно разобрать.

В последующие дни библиотеку приводили в порядок. Иоане вместе с Михаилом и несколькими переписчиками занимался восстановлением повреждённых текстов. Работа была медленной и утомительной. Некоторые слова приходилось угадывать по смыслу, другие — сверять с параллельными списками.

Однажды Михаил, уставший после долгого дня, сказал:

— Теперь я понимаю, почему ты так торопишься переводить.

— Я не тороплюсь.

— Торопишься. Только называешь это терпением.

Иоане улыбнулся.

— Возможно, ты прав.

— Книга может пережить человека. Но может и погибнуть раньше него. А мысль, которая существует только в одной рукописи, слишком беззащитна.

— Значит, нужно не только переводить, но и создавать новые списки.

— И обучать тех, кто сможет их переписывать и читать.

Иоане посмотрел на обугленный лист.

— Однажды я хотел бы увидеть библиотеку, где книги не будут редкостью, где молодой человек сможет прийти и найти ответ на вопрос, который ещё никто ему не объяснил.

Михаил усмехнулся:

— Ты уже строишь библиотеку, которой пока нет.

— Разве можно построить то, чего ещё не существует?

— Сначала человек должен увидеть её в своём воображении. Потом найти людей, которые поверят в его замысел. А затем — потратить много лет, чтобы всё это стало камнем, деревом и книгами.

Иоане задумался.

Вскоре повреждённые листы были переписаны, а уцелевшие рукописи распределены по новым местам. Михаил настоял, чтобы наиболее ценные тексты не хранились вместе. Иоане поддержал его: теперь он знал, что сохранение знания требует не только любви к книгам, но и предусмотрительности.

Однажды вечером он остался в библиотеке один. На столе лежали две рукописи: греческий оригинал Немесия и начатые им заметки для будущего перевода.

Он посмотрел на них и подумал, что человеческая память похожа на огонь. Она может освещать путь, но может и уничтожить то, что сама же должна была сохранить.

И всё-таки он верил: пока хотя бы один человек способен прочитать уцелевшую строку и передать её другому, книга не погибла окончательно.

Он придвинул к себе чистый лист и продолжил работу.

Глава 11. Человек, который не боялся вопросов

Весной в Константинополь прибыл молодой грузинский монах, направлявшийся в одну из обителей на побережье. Он привёз письмо для Михаила и небольшую посылку с книгами. Среди них оказались два грузинских списка богословских сочинений, переписанных в монастыре, расположенном далеко от столицы.

Иоане сразу обратил внимание на качество письма. Переписчик обладал хорошей рукой, но текст содержал ошибки, которые свидетельствовали о недостаточном понимании греческого оригинала.

— Кто работал над этими списками? — спросил он посланника.

— Один брат по имени Захария. Он много лет занимается книгами. Человек усердный, но греческого знает не слишком хорошо.

— А почему ему не помогают?

Монах пожал плечами.

— У нас мало людей, которые способны одновременно читать по-гречески, понимать богословский смысл и грамотно писать по-грузински. Иногда приходится выбирать между точностью и тем, чтобы книга вообще появилась.

Иоане осторожно положил рукопись на стол.

— Это плохой выбор.

— А какой у тебя есть другой?

Вопрос был задан без раздражения, но в нём чувствовалась усталость человека, который слишком хорошо знал цену благим намерениям.

— Нужно готовить людей, — ответил Иоане. — Не просто переписчиков, а тех, кто сможет понимать текст.

— Для этого нужны годы.

— Значит, надо начинать сейчас.

Монах внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь так, будто уже знаешь, как это сделать.

— Нет. Но я знаю, что без этого мы будем снова и снова сталкиваться с одной и той же бедой.

Вечером они долго разговаривали. Гость рассказывал о монастырях, где братья жили в стеснённых условиях, о нехватке книг, о спорах между настоятелями, о том, как трудно было удерживать молодых людей от ухода в мирскую жизнь. Иоане слушал, задавал вопросы, иногда записывал отдельные подробности.

Когда разговор закончился, посланник неожиданно спросил:

— А ты сам когда-нибудь вернёшься?

Иоане не сразу ответил.

— Думаю об этом.

— Тогда возвращайся не с обещаниями. Привези то, что действительно сможешь передать другим.

Эти слова показались ему справедливыми.

На следующий день он отнёс рукописи Михаилу и попросил помочь сверить наиболее испорченные места. Работа заняла несколько дней. Постепенно они восстановили смысл большей части текста, а затем Иоане предложил сделать новый список с пояснениями к трудным выражениям.

— Ты хочешь превратить каждую книгу в учебное пособие? — спросил Михаил.

— Не каждую. Но если текст сложен, читателю нужно помочь пройти через него.

— А кто будет решать, сколько пояснений достаточно?

— Сам читатель. Если ему станет понятно, он не станет искать лишних объяснений.

Михаил рассмеялся.

— Ты уже думаешь о неизвестном читателе, которого никогда не увидишь.

— Разве ради него мы не пишем?

В тот же день к ним присоединился Арсен. Он заметно продвинулся в изучении греческого и теперь мог самостоятельно переводить небольшие отрывки. Иоане поручил ему сверить несколько строк, объяснив, почему нельзя полагаться только на внешнее сходство слов.

Арсен работал старательно, но вскоре остановился.

— Здесь я не понимаю, почему автор употребляет именно это выражение.

— Как ты думаешь?

— Может быть, потому, что другого слова нет?

— А может быть, потому, что он хочет сказать нечто особенное. Попробуй прочитать всю фразу, а не отдельное слово.

Юноша перечитал текст.

— Теперь понимаю. Но тогда получается, что переводить нужно не слово, а всю мысль.

— Именно. Только не забывай: если ты начнёшь переводить мысль так, как тебе самому хочется её понять, ты потеряешь автора.

Арсен улыбнулся.

— Значит, переводчик должен всё время держать в памяти двух людей?

— Как минимум двух. Того, кто написал книгу, и того, кто будет её читать.

Михаил, услышав их разговор, добавил:

— А ещё самого себя. Иначе ты забудешь, что тоже можешь ошибаться.

Иоане взглянул на ученика и вдруг понял, что начинает повторять собственный путь, только уже с другой стороны. Когда-то он сам сидел перед книгой и не знал, как подступиться к ней. Теперь перед ним сидел человек, которому предстояло пройти похожую дорогу.

Вечером Иоане записал в тетради:

«Учитель не передаёт ученику готовую мысль. Он помогает ему научиться мыслить самостоятельно. Если ученик способен однажды возразить учителю и обосновать своё возражение, значит, обучение не было напрасным».

Он перечитал запись и оставил её без исправлений.

Глава 12. За пределами Константинополя

Однажды Михаил получил приглашение посетить монастырь, расположенный за пределами Константинополя. Там собирались люди, интересовавшиеся древними рукописями, и среди них был человек, который мог помочь с поиском редких философских текстов.

— Поедешь со мной? — спросил Михаил.

Иоане поднял голову от рукописи.

— Надолго?

— На несколько дней. Если повезёт, вернёмся с книгами. Если нет — хотя бы узнаем, где их искать.

Они отправились рано утром. Дорога проходила через небольшие поселения, виноградники и холмы, на которых весенний ветер колыхал молодую траву. За городской стеной Константинополь постепенно исчезал из поля зрения, и Иоане впервые за долгое время почувствовал, что его мысли освобождаются от привычного круга занятий.

Михаил ехал молча. Иногда он указывал на старые здания или рассказывал о местах, связанных с историей монастырей.

— Ты ведь не всегда занимался философией? — спросил Иоане.

— Нет. Когда-то я переписывал церковные книги и думал, что этого достаточно.

— А потом?

— Потом однажды понял, что могу без ошибки переписать страницу, не понимая её смысла. Это меня испугало.

— И ты начал учиться?

— Да. Но, как видишь, до конца ещё не доучился.

Иоане улыбнулся.

— Возможно, в этом и состоит главное отличие настоящего учёного от человека, который просто накопил знания.

— Какое?

— Первый понимает, сколько ещё не знает.

Михаил посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Берегись, Иоане. Ты начинаешь говорить как человек, который уже написал собственную книгу.

— Пока я написал только несколько тетрадей.

— Иногда несколько тетрадей могут оказаться важнее большой книги.

К вечеру они прибыли в монастырь. Их встретил пожилой монах по имени Иларион, который много лет занимался собиранием рукописей. Он был худощав, почти сутул, но двигался удивительно быстро и знал расположение каждой книги в своей библиотеке.

После приветствия Иларион провёл гостей в небольшую комнату, где на полках стояли рукописи, переплетённые в кожу и ткань.

— Что именно вы ищете? — спросил он.

— Прежде всего философские сочинения, — ответил Михаил. — Но нас интересуют и труды о природе человека.

Иларион провёл пальцем по корешкам нескольких книг.

— Здесь есть Платон, есть отдельные сочинения Аристотеля, есть тексты поздних толкователей. Но не всё сохранилось полностью. Некоторые рукописи требуют восстановления.

Иоане остановился возле одной из полок.

— А Прокл?

Иларион обернулся.

— Ты изучаешь его?

— Да.

— Тогда тебе повезло. Здесь есть несколько его текстов, хотя не все в хорошем состоянии.

Он достал с полки небольшую рукопись и положил её перед Иоане.

Тот осторожно открыл переплёт. Несколько страниц были повреждены, но текст сохранялся достаточно хорошо.

— Это не «Начала теологии», — заметил Иоане.

— Нет. Здесь другой материал. Но если ты занимаешься Проклом, тебе будет интересно.

Они провели за книгами почти весь вечер. Иларион оказался не только хранителем рукописей, но и человеком, который умел задавать неожиданные вопросы.

— Скажи мне, — обратился он к Иоане, — зачем тебе так необходимо изучать древних философов?

— Потому что они задавали вопросы, которые не перестали быть важными.

— Но ведь многие из их ответов были ошибочны.

— Да. Однако даже ошибочный ответ может помочь точнее сформулировать вопрос.

— А если человек увлечётся чужими рассуждениями и забудет собственную веру?

Иоане задумался.

— Тогда ему следует помнить, что чтение не освобождает от ответственности за собственную мысль.

Иларион удовлетворённо кивнул.

— Хорошо. Но запомни ещё одно. Книга не становится мудростью только потому, что её переписали на другом языке. Иногда переводчик должен сделать больше, чем перенести слова. Он должен показать читателю, почему автор пришёл именно к такому выводу.

Иоане почувствовал, что услышал мысль, к которой сам постепенно приближался.

Ночью он долго не спал. За окном шумел ветер, в монастырском дворе изредка раздавались шаги дежурного брата. На столе лежали несколько выписок из прочитанных текстов.

Он думал о том, что его путь уже нельзя назвать простым изучением философии. Он собирал вокруг себя людей, находил новые рукописи, сравнивал тексты, учился объяснять сложные идеи и всё чаще возвращался мыслями к грузинскому языку.

На следующее утро Иларион предложил ему переписать некоторые фрагменты, которые могли пригодиться для будущей работы.

— Забирай копии, — сказал он. — Оригиналы останутся здесь.

— Я благодарен тебе.

— Благодарность оставь для тех, кто не может помочь. А ты лучше сделай так, чтобы эти книги однажды стали доступны тем, кто сейчас их не знает.

На обратном пути Михаил спросил:

— Ты заметил, что Иларион почти ничего не говорил о собственной учёности?

— Заметил.

— А ведь он знает больше, чем многие, кто любит рассуждать о мудрости.

Иоане посмотрел на дорогу.

— Наверное, потому, что ему важнее книги, чем впечатление, которое он производит на людей.

Михаил ничего не ответил.

Они продолжали путь. Впереди снова был Константинополь, его шумные улицы, библиотеки и бесконечные споры. Но теперь Иоане возвращался туда с новым пониманием: знание не принадлежит одному человеку, одной школе или одному народу. Оно живёт, пока люди способны бережно передавать его друг другу, спорить с ним и продолжать начатое.

И впервые мысль о возвращении на родину перестала казаться ему далёкой мечтой. Она становилась делом, к которому следовало готовиться.

Глава 13. Исповедь перед дорогой

Возвращение в Константинополь оказалось не таким спокойным, как они ожидали. На дорогах стало больше вооружённых людей, у городских ворот проверяли приезжих, а в разговорах купцов всё чаще звучали тревожные вести. Византийская империя жила своими противоречиями: дворцовые распри, борьба влиятельных семейств, споры между церковными и светскими властями — всё это проникало даже в жизнь тех, кто предпочитал держаться подальше от политики.

Иоане не стремился вмешиваться в подобные дела. Однако он понимал, что философия не существует в пустоте. Книги создают люди, живущие среди других людей, и судьба рукописи нередко зависит от судьбы города, монастыря или целого государства.

В один из вечеров к нему пришёл Арсен. Юноша выглядел необычно серьёзным.

— Я хотел поговорить с тобой, — сказал он.

— Садись.

Арсен некоторое время молчал, затем произнёс:

— Мне предлагают вернуться домой.

— Кто предлагает?

— Родственники. Они считают, что я достаточно долго пробыл здесь. Говорят, что могу продолжить обучение на родной земле.

— А ты сам чего хочешь?

— Не знаю. Здесь столько книг, столько людей, столько вопросов. Я боюсь уехать и потерять то, чему научился.

Иоане внимательно посмотрел на него.

— А чего ты боишься больше: потерять книги или остаться без возможности расти?

— Наверное, второго.

— Тогда не путай место, где ты учишься, с самой способностью учиться. Если ты действительно приобрёл знания, они не останутся здесь вместе с библиотечными стенами.

— Но дома у меня не будет Михаила. Не будет этих рукописей.

— Зато там будут люди, которым ты сможешь помочь.

Арсен опустил голову.

— Ты сам собираешься вернуться?

Вопрос застал Иоане врасплох. Он посмотрел на стол, где лежали его тетради, исписанные греческими словами и грузинскими пояснениями.

— Да, думаю об этом всё чаще.

— Почему же не возвращаешься?

— Потому что не хочу вернуться с пустыми руками.

Арсен улыбнулся:

— А разве ты сейчас с пустыми руками?

Иоане не сразу нашёл ответ.

После ухода юноши он долго сидел в тишине. Ему вспомнились первые дни в Константинополе, когда он с трудом понимал разговоры учёных, когда каждое новое слово казалось закрытой дверью. Тогда он мечтал только о том, чтобы научиться читать сложные тексты. Теперь же перед ним открывалась задача, которую нельзя было решить одним личным образованием.

Он достал старую тетрадь и перелистал записи. На одной из первых страниц сохранилась фраза, написанная ещё в начале его занятий:

«Человек ищет истину, потому что чувствует её отсутствие».

Он долго смотрел на эти слова. Теперь они казались ему недостаточными. Истина не была вещью, которую можно найти и положить в сундук. Она открывалась в самом процессе поиска, в способности человека видеть собственное незнание и не отказываться от труда.

На следующий день Иоане встретил Михаила во дворе.

— Ты сегодня задумчив, — заметил тот.

— Арсен может уехать домой.

— Это естественно. Каждый человек однажды должен выбрать собственную дорогу.

— Мне кажется, я слишком долго откладываю решение о возвращении.

Михаил остановился.

— А что тебя удерживает?

— Незавершённая работа.

— Она никогда не будет завершена окончательно. Ты можешь потратить всю жизнь на одну книгу и всё равно обнаружить, что осталось ещё десять.

— Значит, нужно уметь остановиться?

— Нужно понять, ради чего ты работаешь. Если ради того, чтобы однажды сказать: «Я закончил», — ты никогда не будешь свободен. Если ради людей, которым твой труд может пригодиться, — тогда ты сумеешь определить, когда настало время передать им то, что уже создано.

Иоане почувствовал, что Михаил снова затронул самое важное.

Вечером он написал Арсену короткое письмо, в котором пожелал ему не бояться дороги домой и не прекращать учиться. А затем открыл рукопись Немесия и продолжил работу.

Он ещё не знал, когда покинет Константинополь. Но впервые перестал считать возвращение завершением учёбы. Возможно, именно там, на родной земле, его настоящая работа только начиналась.

Глава 14. Между двумя мирами

Прошло несколько месяцев.

Арсен уехал, оставив Иоане небольшую записку с благодарностью. Михаил продолжал заниматься рукописями, но всё чаще жаловался на зрение и усталость. Иларион прислал из монастыря несколько новых выписок, а отец Гавриил передал через путешественников весть, что в грузинских обителях с нетерпением ждут людей, способных работать с греческими текстами.

Однажды Михаил предложил Иоане посетить собрание, на котором обсуждались вопросы философии и богословия.

— Там будет несколько человек, чьи взгляды тебе могут показаться необычными, — предупредил он.

— Необычными — это не значит неверными.

— Именно поэтому я и приглашаю тебя.

Собрание проходило в доме одного образованного горожанина. В небольшой комнате находились несколько монахов, преподавателей и людей, связанных с придворной средой. На столе лежали книги, рядом стояли чаши с водой и кувшин вина.

Разговор начался с обсуждения природы знания, но вскоре перешёл к более трудному вопросу: может ли человеческий разум постичь устройство мира, не выходя за пределы религиозного опыта?

Один из участников, человек с громким голосом и резкими движениями, утверждал, что философия слишком часто запутывает то, что должно быть ясным.

— Человеку достаточно знать, что добро следует творить, а зло избегать. Для этого не нужно изучать Платона и Прокла.

Другой возразил:

— Но как отличить добро от зла, если не задумываться о природе человека, его воле и ответственности?

— Это известно из Священного Писания.

— Тогда зачем богословы веками пишут толкования?

В комнате послышался негромкий смех.

Иоане слушал, не вмешиваясь. Ему казалось, что спорящие говорят о разных вещах, хотя употребляют одни и те же слова.

Наконец хозяин дома обратился к нему:

— А ты, грузинский учёный, что думаешь?

Иоане немного помолчал.

— Мне кажется, мы совершаем ошибку, когда противопоставляем знание и нравственную жизнь. Можно обладать множеством сведений и оставаться несправедливым человеком. Но можно ли стать по-настоящему мудрым, не пытаясь понять, почему человек обязан поступать справедливо?

— Значит, философия нужна для нравственности? — спросил один из присутствующих.

— Не только. Она нужна, чтобы человек учился различать основания собственных убеждений. Но если знание не помогает ему стать ответственнее, возникает вопрос, чему именно он научился.

Человек с громким голосом усмехнулся:

— Красиво говоришь. Но философы любят рассуждать о душе, а сами порой не способны договориться между собой.

— Это верно, — спокойно ответил Иоане. — Но разве отсутствие согласия между врачами означает, что не нужно лечить больного?

На этот раз засмеялись уже почти все.

Спор продолжался ещё долго. Иоане не пытался одержать победу. Он задавал вопросы, уточнял определения, возвращал собеседников к тем положениям, которые они сами произнесли в начале разговора. Постепенно стало очевидно, что некоторые разногласия возникали не из-за различия убеждений, а из-за того, что участники по-разному понимали одни и те же слова.

После собрания к нему подошёл пожилой богослов.

— Ты хорошо рассуждаешь, — сказал он. — Но мне показалось, что ты слишком доверяешь человеческому разуму.

— Возможно, — ответил Иоане. — Но я стараюсь не доверять ему без проверки.

— И кто же будет проверять разум?

— Разум, опыт, совесть, вера. И другие люди, которые способны указать мне на ошибку.

Богослов посмотрел на него с интересом.

— Ты не боишься признать, что можешь ошибаться?

— Боюсь другого. Боюсь однажды перестать замечать собственные ошибки.

Пожилой человек медленно кивнул.

— Это опасение полезнее многих громких заявлений.

На обратном пути Михаил спросил:

— Ты доволен разговором?

— Не знаю. Мне кажется, никто никого не убедил.

— А ты ожидал, что за один вечер изменишь чужие убеждения?

— Нет. Но иногда хочется, чтобы люди хотя бы услышали друг друга.

Михаил остановился у каменной стены.

— Иоане, ты всё время ищешь единство. В философии, в языке, в человеческих отношениях. Но единство не означает, что все должны думать одинаково.

— А что оно означает?

— Возможно, способность оставаться людьми даже тогда, когда наши мысли расходятся.

Иоане задумался. Он посмотрел на освещённые окна домов, на прохожих, спешивших по своим делам, и вдруг понял, что его поиски становятся шире прежнего.

Его интересовала уже не только связь между первопричиной и множеством, не только соотношение души и тела. Он всё чаще думал о том, как знание меняет человека, как оно входит в жизнь общества, как одна культура может принять достижения другой, не утратив собственной самобытности.

В тот вечер он записал:

«Чужая мудрость не должна уничтожать родной голос. Но и родной голос не должен бояться услышать чужую мудрость».

Он закрыл тетрадь.

За окном медленно гасли огни Константинополя. Город, в котором он когда-то чувствовал себя чужим, стал для него школой, испытанием и домом на долгие годы. Но теперь где-то далеко, за морем и горами, его ждала другая земля.

Иоане ещё не знал, какой именно путь приведёт его туда. Но уже понимал: возвращение будет не бегством из одного мира в другой, а попыткой соединить их в собственном труде.

Глава 15. Испытание верностью

В один из осенних дней Иоане получил приглашение от человека, с которым познакомился на философском собрании. Тот занимал заметное положение среди образованных горожан и покровительствовал нескольким переписчикам. Его звали Никита.

Никита жил в просторном доме неподалёку от одной из главных улиц. В его библиотеке хранились богословские сочинения, исторические хроники и труды античных авторов. Он любил книги, но ещё больше любил людей, которые могли поддержать интересную беседу.

— Я слышал о твоих занятиях, — сказал он, когда Иоане вошёл в комнату. — Говорят, ты занимаешься Проклом и Немесием.

— Да.

— И собираешься переводить их на грузинский?

— Если сумею выполнить эту работу достойно.

Никита улыбнулся.

— Скромность тебе к лицу. Но скажи, зачем тебе это? Грузинский язык богат, спору нет, однако философская терминология требует особой точности. Не проще ли оставить такие сочинения тем, кто читает по-гречески?

Иоане посмотрел на собеседника.

— Если бы каждый народ рассуждал подобным образом, многие книги остались бы доступны лишь немногим.

— Но не всякий язык способен передать сложную мысль.

— Язык развивается вместе с людьми, которые на нём мыслят.

Никита подошёл к полке и достал небольшую книгу.

— Посмотри. Здесь сочинение, которое я давно хотел передать в руки человека, способного продолжить работу над ним. Если ты согласишься заниматься в моей библиотеке, я предоставлю тебе необходимые материалы и помогу с переписчиками.

Иоане внимательно выслушал его предложение.

— А что потребуется взамен?

— Ничего особенного. Я хотел бы, чтобы ты сначала подготовил греческую редакцию одного текста, а затем помог мне составить его толкование. Работа будет полезной для многих.

— Почему именно греческую редакцию?

— Потому что так её смогут прочитать люди, от которых зависит распространение рукописи.

Иоане почувствовал, что в предложении скрывается нечто большее, чем обычная просьба о сотрудничестве.

— А грузинский перевод?

Никита пожал плечами.

— Это можно оставить на потом. Если останется время.

— Но именно ради этого я и работаю.

Лицо хозяина дома стало серьёзнее.

— Ты ещё молод, Иоане. Не следует отвергать возможность, которая может обеспечить тебе спокойную жизнь и доступ к лучшим книгам.

— Я благодарен за предложение. Но не хотел бы, чтобы моя работа отдалилась от того, ради чего я её начал.

— Ты говоришь о родине?

— О людях, которые не имеют возможности читать эти книги.

Никита некоторое время молчал.

— Ты рискуешь отказаться от хорошего будущего ради задачи, успех которой никто не гарантирует.

— Возможно.

— И всё-таки не передумаешь?

— Я могу работать вместе с вами, если наши цели не будут противоречить друг другу. Но не могу обещать, что отложу собственное дело ради чужих ожиданий.

Никита внимательно посмотрел на него, затем медленно кивнул.

— Что ж, я уважаю прямоту. Не всякий человек способен отказаться от удобства ради того, во что верит.

Они расстались без ссоры. Никита всё же разрешил Иоане пользоваться некоторыми книгами, но прежней близости между ними уже не возникло.

Когда Иоане рассказал обо всём Михаилу, тот выслушал его и спросил:

— Ты уверен, что поступил правильно?

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Почему?

— Потому что человек, который никогда не сомневается в собственной правоте, обычно перестаёт прислушиваться к другим.

Иоане улыбнулся.

— Но если я постоянно сомневаюсь, то никогда ничего не сделаю.

— Сомневаться в решении — не значит отказываться от него. Главное, чтобы ты понимал цену своего выбора.

Вечером Иоане долго размышлял над словами Михаила. Ему предстояло научиться отличать необходимый компромисс от отказа от самого себя. Он не хотел становиться пленником собственной гордости, но и не желал превращать предназначение в удобную мечту, которую можно отложить ради благополучия.

Он открыл тетрадь и написал:

«Верность избранному пути не означает упрямства. Но человек должен знать, в какой момент уступка становится предательством того, ради чего он начал свой труд».

На следующий день он вернулся к рукописи Немесия.

Работа продолжалась.

Глава 16. Свет, который передают

Зима вновь вступила в свои права. Константинополь окутали туманы, на улицах стало меньше приезжих, а в библиотеке Иоане всё чаще работал при свете масляного светильника.

Михаил заметно постарел за последнее время. Его зрение ухудшалось, и теперь он не мог читать мелкий почерк так долго, как прежде. Однако он продолжал приходить к Иоане, проверять отдельные места и обсуждать трудные выражения.

Однажды Иоане заметил, что учитель несколько раз перечитывает одну и ту же строку.

— Тебе трудно разобрать почерк? — спросил он.

— Немного.

— Позволь мне прочитать.

Михаил отодвинул рукопись.

— Прочитай. А потом скажи, правильно ли я понял смысл.

Иоане прочёл отрывок и объяснил его содержание.

— Хорошо, — сказал Михаил. — Теперь я могу доверить тебе эту часть работы.

— Ты говоришь так, будто прощаешься со мной.

Михаил улыбнулся.

— Разве учитель должен удерживать ученика возле себя до конца жизни?

— Нет. Но мне ещё многое предстоит у тебя узнать.

— Тогда слушай внимательно. Не всё, что я могу тебе сказать, находится в книгах.

Они вышли во двор. Воздух был холодным, но небо оставалось ясным. На каменной ограде лежал тонкий слой снега.

— Когда я был моложе, — начал Михаил, — мне казалось, что самое важное в учёности — знать больше других. Я гордился тем, что мог прочитать трудный текст быстрее товарищей,

запомнить множество имён и объяснить сложное положение. Но однажды понял, что всё это ещё не делает человека мудрым.

— Что же изменилось?

— Я увидел, как один простой монах, почти не знавший философии, утешил человека, потерявшего семью. Он сказал ему всего несколько слов, но в этих словах было больше понимания человеческой души, чем во многих моих рассуждениях.

Иоане слушал молча.

— С тех пор я стал иначе относиться к книгам, — продолжил Михаил. — Они не должны отделять нас от жизни. Если человек прочитал тысячу книг, но не научился сострадать, значит, он ещё не понял самого важного.

— Но ведь знание тоже может научить состраданию.

— Конечно. Я не говорю, что книги бесполезны. Я говорю, что они должны возвращать нас к человеку.

Иоане долго смотрел на заснеженный двор.

— Ты думаешь, я иногда слишком увлекаюсь философией?

— Думаю, ты способен увлечься любой мыслью настолько, что забудешь о том, кто находится рядом.

— Постараюсь помнить.

— Не обещай. Просто наблюдай за собой.

В тот же вечер Михаил передал Иоане несколько своих рабочих тетрадей. В них были заметки о греческих авторах, толкования трудных мест, сравнения различных списков и замечания о переводе отдельных понятий.

— Это твои записи, — сказал Иоане.

— Теперь они могут пригодиться тебе больше, чем мне.

— Но ты ещё будешь работать.

— Буду, пока смогу. Однако не хочу, чтобы всё, что я собирал годами, исчезло вместе со мной.

Иоане осторожно принял тетради.

— Я сохраню их.

— Сохрани не только бумагу. Постарайся понять, почему я сделал именно такие замечания. А если найдёшь ошибку, исправь её. Не нужно быть верным моим словам больше, чем истине.

Эти слова глубоко тронули Иоане.

В последующие месяцы он стал чаще работать с учениками. Арсен уже находился далеко, но на его место приходили другие молодые люди. Одни задерживались ненадолго, другие проявляли серьёзный интерес. Иоане учил их читать тексты, различать близкие по значению понятия, не спешить с выводами и не выдавать догадку за знание.

Он замечал, что каждый ученик приходит со своим характером. Один был способен часами сидеть над одной строкой, другой быстро схватывал общий смысл, но не замечал деталей. Третьему было трудно признать ошибку, даже когда доказательства становились очевидными.

Иоане постепенно понял, что наставничество требует не меньшего терпения, чем философия.

Однажды после занятия один из молодых монахов спросил:

— Учитель, а когда можно считать себя мудрым?

Иоане посмотрел на него.

— А ты почему спрашиваешь?

— Хочу знать, к чему стремиться.

— Тогда стремись не к тому, чтобы однажды назвать себя мудрым, а к тому, чтобы каждый день становиться внимательнее к истине и к людям.

— Но разве у мудрости нет конца?

— Возможно, у человеческого стремления есть предел. Но пока мы живы, нам следует продолжать искать.

Молодой монах задумался.

Иоане посмотрел на учеников и вдруг почувствовал, что работа, начатая им в одиночестве, постепенно обретает продолжение в других людях.

Вечером он разложил тетради Михаила рядом со своими. Две стопки листов, написанные разными руками, лежали на одном столе. В них были разные почерки, разные ошибки, разные поиски, но одно стремление — приблизиться к пониманию.

Он подумал, что, возможно, именно так и живёт человеческая мысль: один человек начинает, другой продолжает, третий спорит, четвёртый исправляет. И ни один не вправе считать себя последним хранителем истины.

За окном медленно темнело. Иоане зажёг светильник и снова склонился над рукописью.

Свет был невелик, но его хватало, чтобы продолжать работу.

Глава 17. Последний разговор с Михаилом

Весна наступила рано. Снег исчез с монастырских крыш, в саду появились первые цветы, а по утрам в открытые окна проникал запах влажной земли. Иоане всё чаще замечал, что Михаил устаёт даже после непродолжительного чтения.

Однажды утром он пришёл в библиотеку и увидел учителя сидящим у окна. Перед ним лежала открытая книга, но Михаил не читал. Он смотрел на двор, где двое молодых монахов переносили деревянные ящики с рукописями.

— Ты сегодня рано, — сказал Михаил, услышав шаги.

— Хотел показать тебе новый вариант перевода.

— Показывай.

Иоане положил листы на стол. Михаил надел очки, внимательно прочитал несколько строк и отложил рукопись.

— Здесь ты нашёл хорошее решение.

— Вчера я думал иначе.

— И что заставило тебя изменить мнение?

— Сопоставил несколько мест у Прокла. Оказалось, что прежний вариант передавал только внешнее значение понятия.

Михаил улыбнулся.

— Значит, ты научился не доверять первому впечатлению.

— Не всегда. Но стараюсь.

Некоторое время они обсуждали перевод. Михаил задавал вопросы, Иоане отвечал, затем сам предлагал исправления. В конце беседы учитель неожиданно спросил:

— Ты решил, куда направишься после Константинополя?

Иоане замолчал.

— Думаю о возвращении.

— Давно пора.

— Но я ещё не закончил работу.

— Ты опять говоришь об этом. Сколько книг ты собираешься прочитать, прежде чем позволишь себе начать собственное дело?

— Я не хочу возвращаться неподготовленным.

— Никто не возвращается полностью подготовленным. Жизнь всегда находит вопрос, на который у тебя нет ответа.

Михаил поднялся и медленно прошёлся по комнате.

— Знаешь, что я понял за эти годы? Человек может всю жизнь готовиться к тому, чтобы послужить другим, и однажды обнаружить, что его время прошло.

Иоане внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь о себе?

— И о себе тоже.

Учитель остановился у окна.

— Я не жалею о прожитой жизни. Но иногда думаю, что слишком долго держал свои знания при себе. Мне следовало раньше начать учить тех, кто мог бы продолжить мою работу.

— Ты учил меня.

— Да. И я благодарен судьбе за это. Но один ученик не заменяет целого поколения.

Иоане почувствовал тяжесть этих слов.

— Я постараюсь сделать больше.

— Не ради меня. Ради тех, кто придёт после тебя.

В тот день они расстались позднее обычного. Михаил передал Иоане ещё несколько рукописей и попросил сохранить их отдельно от остальных.

Через несколько недель Михаил слёг. Сначала он говорил, что это простая усталость, затем перестал выходить из своей комнаты. Иоане навещал его почти ежедневно, приносил новости из библиотеки, рассказывал о занятиях с учениками и читал вслух отдельные отрывки.

Однажды вечером Михаил попросил открыть окно.

— Хочу услышать город.

Иоане распахнул ставни. С улицы доносились голоса торговцев, стук колёс, детский смех. Где-то неподалёку звонили колокола.

— Хорошо, — прошептал Михаил. — Город продолжает жить.

— Он всегда будет жить.

— А мы?

Иоане не ответил.

Учитель повернулся к нему.

— Не бойся моего ухода. Я прожил достаточно, чтобы понять: человеку не принадлежит ни время, ни знание. Он только получает возможность немного поработать с тем и другим.

— Ты ещё поправишься.

Михаил слабо улыбнулся.

— Не утешай меня тем, во что сам не веришь.

Иоане опустил голову.

— Я не хочу потерять тебя.

— Понимаю. Но если ты действительно чему-то научился у меня, не превращай память обо мне в печаль, которая остановит твою работу.

Он помолчал и добавил:

— Помни главное: никогда не делай из учения оружие против людей. Даже если они не понимают тебя. Особенно тогда.

Это были последние слова, которые Иоане услышал от него.

Михаил умер через несколько дней.

На похоронах Иоане стоял среди монахов и учеников. Он почти не слышал молитв, потому что перед глазами возникали отдельные картины: первая встреча в библиотеке, споры о переводе, ночные беседы, рукописи, спасённые после пожара.

Он не плакал. Но когда люди разошлись, долго оставался у могилы.

Вечером Иоане вернулся в библиотеку. На столе лежала одна из тетрадей Михаила. Он раскрыл её и увидел на полях знакомую запись:

«Не бойся исправлять учителя, если истина требует исправления. Но никогда не забывай, что именно он помог тебе научиться видеть».

Иоане провёл пальцами по строкам.

В тот вечер он впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким.

Но одиночество не отменяло ответственности. Теперь ему предстояло самому стать тем человеком, к которому молодые ученики будут приходить со своими вопросами.

Глава 18. Дорога к Петрицони

После смерти Михаила Иоане некоторое время продолжал работать в Константинополе. Он разобрал оставшиеся тетради учителя, составил перечень рукописей и передал часть материалов на хранение людям, которым доверял.

Но прежняя жизнь уже не могла продолжаться в прежнем виде.

Всё чаще он думал о монастыре Петрицони, основанном болгарским военачальником Григорием Бакуриани. Эта обитель была связана с грузинской монашеской традицией и могла стать важным местом для его дальнейшего служения.

Решение о поездке созрело не сразу. Иоане понимал, что покидает город, в котором прошли важные годы его интеллектуального становления. Здесь он учился читать древних философов, спорил с богословами, находил друзей и терял тех, кто стал ему близок.

Но теперь он хотел увидеть другое пространство, где греческая учёность могла встретиться с грузинской духовной традицией.

Перед отъездом он зашёл в библиотеку, где когда-то впервые открыл рукопись Прокла. Помещение почти не изменилось. За одним из столов сидел молодой монах, склонившийся над греческим текстом.

Иоане остановился рядом.

— Что читаешь?

Юноша поднял глаза.

— Пытаюсь понять один отрывок. Но никак не могу разобраться в связи между двумя положениями.

— Покажи.

Иоане прочитал несколько строк и задал ему вопрос:

— А ты сам как понимаешь эту мысль?

Монах начал объяснять. Он ошибался, возвращался к началу, путался в определениях, но не сдавался.

Иоане слушал его с удивительным чувством. Когда-то на этом месте так же сидел он сам.

— Не торопись, — сказал он наконец. — Прочитай ещё раз. Иногда мысль становится ясной не тогда, когда мы быстрее читаем, а когда внимательнее задаём вопросы.

Юноша кивнул.

— Ты часто здесь бываешь?

— Раньше бывал чаще.

— А теперь?

— Теперь мне предстоит дорога.

Монах посмотрел на него с любопытством.

— Ты возвращаешься домой?

Иоане улыбнулся.

— Возможно, я ещё не возвращаюсь окончательно. Но надеюсь оказаться ближе к тому месту, где смогу принести пользу.

На следующий день он отправился в путь.

Дорога оказалась непростой. Вместе с несколькими путешественниками он пересекал земли, где встречались купеческие караваны, монахи, военные отряды и люди, направлявшиеся по своим делам. В пути приходилось ночевать в небольших поселениях, терпеть непогоду, ждать переправ и менять планы из-за состояния дорог.

Однажды вечером, остановившись в придорожной обители, Иоане познакомился с пожилым монахом, который давно жил вдали от родины.

— Ты из Грузии? — спросил тот.

— Да.

— Куда направляешься?

— В Петрицони.

Монах удивился.

— Значит, тебе предстоит увидеть место, где грузинская речь звучит среди чужих языков.

— Именно этого я и ищу.

— Не думай, что там всё будет легко. В монастыре тоже есть свои заботы, споры, недостатки. Люди остаются людьми, даже когда живут ради духовного служения.

— Я не ищу места без трудностей.

— Тогда, может быть, найдёшь то, что тебе нужно.

На следующее утро они расстались.

Когда вдали показались горы, Иоане остановился. Он долго смотрел на дорогу, уходившую между склонами, и вспоминал Михаила, Илариона, отца Гавриила, Арсена и других людей, с которыми его свела судьба.

Каждый из них оставил в нём что-то своё.

Он понял, что ни один учитель не может передать ученику всю свою мудрость. Каждый лишь открывает дверь, за которой начинается самостоятельный путь.

Через некоторое время путешественники достигли монастыря Петрицони.

Иоане впервые увидел его стены, поднявшиеся среди зелёных склонов. Из-за ворот доносились голоса монахов. На внутреннем дворе кто-то переносил дрова, у колодца разговаривали двое послушников, а возле небольшого здания переписчик сушил свежие листы.

Он остановился перед входом.

Впереди была новая жизнь. Не та, о которой он когда-то мечтал, сидя над первой греческой рукописью, а та, которую теперь должен был создать собственным трудом.

Иоане поправил дорожную одежду и шагнул к воротам.

Ему предстояло выяснить, сможет ли он превратить накопленное знание в дело, которое переживёт его самого.

Часть вторая. Школа человеческой мудрости

Глава 19. За монастырскими стенами

Ворота Петрицони открылись не сразу. Сначала за ними послышались шаги, затем скрипнуло небольшое смотровое окошко, и в узкой щели показалось настороженное лицо пожилого монаха.

— Кто ты и откуда держишь путь?

Иоане назвал себя, рассказал, что пришёл из Константинополя и хотел бы найти здесь пристанище, чтобы продолжить занятия книгами и служить монастырю своим трудом.

Монах долго смотрел на него, словно пытался определить не столько происхождение путника, сколько его намерения.

— Книгами, говоришь? — переспросил он. — А работать руками умеешь?

Иоане слегка улыбнулся.

— Приходилось. Но, должно быть, не так хорошо, как читать.

— Тогда придётся научиться лучше. Здесь книги сами себя не переписывают, хлеб сам собой не выпекается, а крыша не чинится оттого, что кто-нибудь размышляет о небесных сферах.

Ворота наконец распахнулись.

Во дворе пахло свежим хлебом, влажным деревом и дымом. Несколько монахов переносили корзины с дровами, двое спорили возле колодца, а молодой послушник, неся охапку сухих веток, едва не столкнулся с Иоане.

— Осторожнее, Никола! — крикнул ему кто-то. — Ты опять смотришь не туда!

Юноша смутился, поспешно отступил и чуть не уронил свою ношу.

Иоане невольно улыбнулся. В этом дворе всё было совсем не похоже на величественные залы Константинополя, где учёные могли часами рассуждать о природе первопричины. Здесь жизнь не спрашивала, готов ли человек к размышлению. Она просто требовала от него участия.

Вскоре его провели к настоятелю. Тот сидел за широким деревянным столом, на котором лежали счета, несколько писем и раскрытая рукопись. Лицо его было худым, с глубокими морщинами у глаз, но взгляд оставался ясным и внимательным.

— Я слышал, ты занимался греческими книгами, — произнёс он. — И, кажется, намерен продолжить это занятие у нас.

— Если Господь даст силы и если мой труд окажется полезен братии.

— Полезен — слово хорошее. Только каждый понимает его по-своему. Один считает полезным молиться, другой — строить, третий — учить. А иногда всё это приходится делать одному человеку.

Настоятель отложил письмо.

— Скажи мне, брат Иоане, зачем тебе книги? Не торопись с ответом. Я спрашиваю не для того, чтобы испытать твою учёность.

Иоане посмотрел на рукопись, лежавшую перед настоятелем.

— Потому что человек не может довольствоваться только тем, что уже знает. Он должен искать, понимать, проверять собственные мысли. Но если знание остаётся лишь в голове одного человека, оно умирает вместе с ним.

— Значит, ты хочешь оставить после себя книги?

— Я хотел бы оставить после себя людей, способных читать их не только глазами, но и разумом.

Настоятель впервые улыбнулся.

— Хорошо сказано. Но посмотрим, как ты будешь говорить с теми, кто не умеет читать даже простого письма.

Он поднялся и подошёл к окну.

— У нас есть несколько молодых братьев. Один знает греческий, но ленится. Другой трудолюбив, но с трудом понимает написанное. Третий способен запоминать целые страницы, однако не умеет объяснить ни одного предложения. Попробуй найти к каждому свой подход. Если справишься, найдётся для тебя место и среди наших книг.

Иоане почувствовал, что перед ним открывается новая дорога. Она оказалась не менее трудной, чем путь через горы и моря.

В тот вечер ему отвели небольшую комнату рядом с помещением, где хранились рукописи. В ней стояли узкая кровать, деревянный стол и простая скамья. На стене висела небольшая икона, перед которой горела лампада.

Он долго не ложился. Достал из дорожной сумки тетради Михаила, бережно развернул одну из них и провёл ладонью по исписанным страницам.

— Я дошёл, учитель, — тихо произнёс он. — Но ещё не знаю, что сумею здесь сделать.

Ответа не было. Только огонёк лампады едва заметно колебался от сквозняка.

На следующий день Иоане предстояло впервые встретиться с теми, кому он должен был передать своё знание.

Глава 20. Первый урок

Утром Иоане вошёл в небольшую комнату, где его уже ждали трое молодых монахов.

Первого звали Никола. Того самого, которого он встретил во дворе. Юноша был широкоплечим, с открытым лицом и беспокойными глазами. Второй, Давид, выглядел старше остальных и держался сдержанно. Третий, Георгий, был худощавым, тихим и почти не поднимал взгляда от стола.

Перед каждым лежали листы пергамента и деревянные дощечки для письма.

— Брат Иоане, — сказал настоятель, появившись в дверях, — вот твои первые ученики. Не суди их слишком строго. Они ещё молоды.

— А вы не судите их слишком снисходительно, — ответил Иоане. — Иначе я никогда не узнаю, чему они действительно способны научиться.

Настоятель одобрительно кивнул и вышел.

Иоане сел напротив учеников.

— Прежде чем мы начнём, я хочу задать вам один вопрос. Зачем вы учитесь читать?

Никола поднял руку.

— Чтобы переписывать книги.

— А зачем переписывать книги?

— Чтобы они не исчезали.

— Хороший ответ. А ты, Давид?

— Чтобы понимать Священное Писание и богослужебные тексты.

— И это важно. Георгий?

Молодой монах некоторое время молчал.

— Я хочу понять, почему некоторые слова кажутся ясными, пока их не начинаешь объяснять другому человеку.

Иоане посмотрел на него с особым вниманием.

— Вот с этого и начнём.

Он положил на стол небольшой греческий лист, исписанный мелким почерком.

— Прочитайте эту строку. Не торопитесь.

Давид уверенно разобрал первые слова, но затем остановился. Никола попытался помочь и перепутал окончание. Георгий наклонился ближе, прочитал предложение про себя и указал на пропущенное слово.

— Хорошо, — сказал Иоане. — Теперь объясните, что здесь сказано.

Давид перевёл почти дословно. Никола повторил за ним, но смысл остался для него неясным. Георгий задумался.

— Здесь говорится, что всякое живое существо стремится к своему благу, — произнёс он наконец. — Но я не уверен, что автор имеет в виду одно и то же благо для всех.

Иоане не ответил сразу.

— Почему ты сомневаешься?

— Потому что человек может считать благом то, что причиняет вред другому. Значит, само слово ещё ничего не объясняет.

На лице Иоане появилась улыбка.

— Запомни эту мысль. Иногда самое важное начинается не с правильного ответа, а с правильно поставленного вопроса.

Никола поднял голову.

— Но разве учитель не должен прежде всего давать ответы?

— Должен. Но если ученик запоминает ответы, не понимая, откуда они взялись, он становится похож на человека, который носит чужую одежду. Она может быть красивой, но никогда не станет ему по-настоящему своей.

Давид нахмурился.

— А если ученик начинает сомневаться во всём, что ему говорят?

— Тогда учитель должен помочь ему отличить сомнение от упрямства, а поиск истины — от желания всегда оставаться правым.

В комнате стало тихо.

Первый урок продолжился. Иоане не стал читать ученикам длинные рассуждения и требовать, чтобы они повторяли за ним сложные определения. Он разбирал каждое предложение,

показывал, как меняется смысл при замене одного слова другим, заставлял сопоставлять перевод с оригиналом. Иногда он намеренно оставлял ошибку, чтобы посмотреть, заметит ли её кто-нибудь.

Никола сердился, когда не мог найти нужное слово. Давид старался не показывать своего недовольства. Георгий же всё чаще задавал вопросы, которые заставляли самого Иоане останавливаться и обдумывать ответ.

Когда занятие закончилось, Никола задержался у стола.

— Брат Иоане, а вы всегда так учились?

— Не всегда. Поначалу мне казалось, что достаточно прочитать книгу несколько раз, чтобы понять её.

— А потом?

— Потом я встретил людей, которые знали меньше меня, но иногда видели то, чего я не замечал.

Никола задумался.

— Значит, можно чему-то научиться даже у того, кто не умеет читать?

— Конечно. Иной человек, не знающий ни одной буквы, способен научить нас терпению, милосердию и мужеству. А это не всегда удаётся найти даже в самых знаменитых книгах.

Вечером Иоане отправился в библиотеку. Он хотел разобрать несколько повреждённых рукописей, которые настоятель показал ему накануне. Среди них обнаружился старый греческий список с утраченными краями страниц. На одном листе текст был почти полностью стёрт, а на другом виднелись следы прежних исправлений.

Иоане осторожно разложил рукопись и понял, что восстановить её будет непросто.

Вскоре в библиотеку вошёл Давид.

— Брат Иоане, настоятель просил передать, что завтра тебе придётся помочь с хозяйственными делами. Пришли люди из соседнего поселения, нужно принять зерно и проверить запасы.

Иоане поднял глаза.

— Хорошо. Я приду.

— Но ведь ты собирался заниматься рукописями.

— Собирался.

— И не жаль терять день?

Иоане посмотрел на него.

— А ты считаешь, что хлеб, который мы примем завтра, не имеет отношения к нашим книгам?

Давид пожал плечами.

— Я просто подумал, что ты приехал сюда ради учёности.

— Я приехал сюда не для того, чтобы прятаться от жизни за страницами. Если братия останется без хлеба, никто не сможет спокойно читать мои переводы. И если я не научусь разделять с другими их заботы, мои рассуждения о человеческом благе будут пустыми словами.

Давид ничего не ответил.

Когда он ушёл, Иоане снова склонился над рукописью. Теперь ему казалось, что первый урок в Петрицони состоялся не только для трёх молодых монахов. Он сам получил от жизни задание, которое ещё не умел выполнить.

И впервые за долгое время почувствовал, что начинает понимать слова Михаила о знании, которое должно возвращаться к человеку.

Не всякая истина открывается в тишине библиотеки. Иногда она ждёт тебя у монастырских ворот, среди мешков с зерном, усталых лиц и повседневных забот. И тот, кто не умеет увидеть её там, возможно, ещё слишком мало понял из прочитанных книг.

Глава 21. Чужая беда

На следующее утро Иоане вышел во двор ещё до первой службы. Ночь выдалась холодной, и на каменных плитах лежала тонкая изморозь. Возле хозяйственных построек уже собирались монахи. Несколько крестьян из соседнего поселения привезли на телеге мешки с зерном, а рядом стоял невысокий мужчина в старом овчинном тулупе. Он что-то горячо доказывал монаху, который отвечал ему с заметным раздражением.

— Я привёз всё, что обещал, — говорил крестьянин. — Но больше не могу. Зима была тяжёлая, скотина пала, а двое детей болели. Если заберёте ещё один мешок, нам самим до весны не дотянуть.

— Договор есть договор, — возразил монах. — Монастырь тоже не может существовать одним воздухом.

— Я не отказываюсь от долга. Я прошу немного времени.

Иоане остановился поодаль. Он не знал ни условий соглашения, ни того, кто был прав в этом споре. Но лицо крестьянина говорило о таком отчаянии, которое не нуждалось в переводе.

К ним подошёл настоятель.

— Что здесь происходит?

Монах объяснил, что крестьянин должен был доставить определённое количество зерна и теперь пытается уменьшить обязательство. Настоятель внимательно выслушал его, затем обратился к приезжему:

— Ты знал, сколько должен привезти?

— Знал, отец.

— И почему не исполнил обещанного?

— Потому что прошлой весной я думал, что урожай будет лучше. А осенью град побил поля. Я не скрывал этого. Посылал человека предупредить монастырь.

Настоятель нахмурился.

— Мне об этом не докладывали.

Крестьянин опустил голову.

— Может, письмо не дошло. Но я не обманываю вас.

Настоятель повернулся к монаху, отвечавшему за хозяйство.

— Почему мне ничего не сообщили?

Тот замялся.

— Я думал, что крестьянин просто хочет уклониться от обязательств.

— Думать — не значит знать, брат.

Наступило молчание.

Иоане всё это время не вмешивался. Он понимал, что не имеет права судить о деле, которого не знает. Но когда крестьянин, вздохнув, взялся за мешок, чтобы переложить его на монастырскую телегу, Иоане заметил, как тяжело тот опирается на правую ногу.

— Ты болен? — спросил он.

— Ничего, брат. Дорога длинная, вот и ломит.

— А дети?

Мужчина посмотрел на него с удивлением.

— Дочка уже поправилась. Мальчик ещё слаб. Жена одна с ними осталась.

Настоятель услышал последние слова.

— Сколько зерна тебе нужно оставить?

Крестьянин растерялся.

— Столько, чтобы пережить зиму. Я не прошу даром. Весной, если Господь даст урожай, привезу остальное.

Настоятель долго молчал, затем распорядился оставить крестьянину один мешок и передать ему немного муки из монастырского запаса. Хозяйственный монах хотел было возразить, но настоятель остановил его жестом.

— Мы не можем разорить собственное хозяйство ради каждого просителя. Но и не имеем права превращать договор в орудие гибели человека.

Крестьянин низко поклонился.

— Да воздаст вам Господь, отец.

— Не мне благодари. Иди домой, позаботься о семье.

Когда телега покинула двор, настоятель повернулся к Иоане.

— Ты всё это время молчал. Что думаешь?

— Я не знал обстоятельств и не хотел говорить о том, чего не понимаю.

— Это разумно. Но ты, кажется, заметил больше, чем другие.

— Я заметил, что человек просил не освободить его от долга, а дать возможность исполнить его позже.

Настоятель кивнул.

— В этом и состоит трудность управления людьми. Иногда закон требует одного, а милосердие напоминает о другом. И нельзя бездумно отбросить ни то, ни другое.

Иоане посмотрел вслед телеге.

— Мне кажется, отец, что истинная справедливость начинается там, где человек пытается увидеть не только обязательство, но и того, кто за ним стоит.

— Хорошо. Только помни: тому, кто отвечает за других, недостаточно быть добрым. Он должен ещё и уметь принимать решения, последствия которых коснутся многих.

Эти слова Иоане запомнил.

Позднее, помогая разбирать привезённые запасы, он заметил, что тот самый хозяйственный монах работает почти без отдыха. Увидев Иоане, тот недружелюбно произнёс:

— Теперь ты, должно быть, считаешь нас бессердечными.

— Нет, брат. Я считаю, что ты отвечаешь за хозяйство, а это нелёгкое дело.

Монах посмотрел на него с подозрением.

— Ты легко говоришь о милосердии. Но попробуй прокормить всех, когда запасы подходят к концу.

— Я не хотел тебя осуждать.

— Однако настоятель выслушал тебя.

— Он выслушал крестьянина. Не меня.

Монах отвернулся и продолжил работу.

Иоане понял, что не всякое недоразумение разрешается одним добрым поступком. Иногда людям нужно время, чтобы перестать видеть друг в друге противников.

Вечером он вернулся к своим рукописям, но мысли его снова и снова возвращались к утреннему спору. Он вспоминал рассуждения о справедливости, которые читал в греческих книгах, и вдруг почувствовал, насколько легко философу говорить о добродетели, пока она остаётся отвлечённым понятием.

Теперь у этого понятия было лицо уставшего крестьянина.

Глава 22. Испорченная рукопись

Через несколько дней настоятель пригласил Иоане в библиотеку.

На столе лежала рукопись, завёрнутая в выцветшую ткань. Её переплёт был повреждён, а некоторые листы склеились от сырости. По краям виднелись следы плесени.

— Эту книгу принесли из одного из наших небольших скитов, — сказал настоятель. — Там давно не было человека, способного разобраться в греческом тексте. Братия полагает, что рукопись важная, но никто не знает, насколько сильно она повреждена.

Иоане осторожно развернул ткань.

На первой странице сохранилось несколько строк, затем шёл фрагмент, написанный другим почерком. Некоторые листы были утрачены, а на последних страницах чернила почти исчезли.

— Мне потребуется время, — произнёс он.

— Времени у нас немного. Через несколько недель братия собирается перевезти часть книг в другое помещение. Здесь слишком сыро.

— Тогда тем более нельзя торопиться. Если разъединить листы неправильно, можно потерять то, что ещё сохранилось.

Настоятель кивнул.

— Делай, как считаешь нужным. Только не забывай, что эта рукопись принадлежит не одному тебе. Если найдёшь в ней что-то важное, постарайся объяснить другим.

Иоане принялся за работу. Он не стал сразу раскрывать склеенные страницы. Сначала осмотрел переплёт, изучил почерк, сравнил сохранившиеся фрагменты. Постепенно выяснилось, что рукопись представляла собой собрание нескольких текстов, переписанных в разное время. Среди них были богословские рассуждения и выдержки из философских сочинений.

На одном из листов он обнаружил знакомое имя — Прокл.

Сердце его забилось быстрее.

Это был не полный текст и не самостоятельное сочинение философа, а небольшой фрагмент, сопровождавшийся пояснениями неизвестного переписчика. Однако некоторые мысли показались Иоане необычайно близкими к тем вопросам, над которыми он сам работал в Константинополе.

Он позвал Георгия.

— Посмотри сюда. Прочитай эту строку.

Юноша наклонился над листом.

— Здесь говорится о том, что многое зависит от того, каким образом воспринимающий разум обращается к предмету.

— Верно. А теперь сравни с предыдущим предложением. Видишь, как меняется смысл?

Георгий прочитал ещё раз.

— Получается, автор не просто утверждает, что разум познаёт мир. Он хочет объяснить, что само познание требует определённого порядка.

— Именно. Но пока мы не знаем, принадлежит ли это пояснение первоначальному автору или позднейшему переписчику.

— А разве это так важно? Мысль ведь остаётся той же.

Иоане откинулся на спинку скамьи.

— Очень важно. Если мы приписываем человеку слова, которых он не говорил, то даже правильная мысль становится основанием для заблуждения. Нужно различать сам текст, его перевод и наше собственное толкование.

Георгий внимательно посмотрел на него.

— Значит, иногда честнее сказать, что мы не знаем?

— Не только честнее. Необходимее.

Они продолжили работу.

К полудню в библиотеку вошёл Никола. Он принёс небольшой сосуд с водой и, увидев раскрытую рукопись, остановился.

— Это та самая книга?

— Да, — ответил Иоане.

— А почему вы не переписываете её сразу?

— Потому что сначала нужно понять, что именно перед нами. Представь, что ты нашёл старую стену с надписями, часть которых стёрлась. Если начнёшь восстанавливать их по собственному желанию, то можешь написать совсем не то, что было прежде.

Никола усмехнулся.

— Значит, даже переписчик может стать обманщиком?

— Может. Особенно если слишком уверен в себе.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился Давид.

— Брат Иоане, настоятель просит тебя прийти. В библиотеке есть ещё одна проблема.

Иоане аккуратно накрыл рукопись тканью и поднялся.

В соседнем помещении он увидел несколько листов, разложенных на столе. Один из молодых переписчиков испортил их, пытаясь исправить ошибки в старом тексте. Поверх прежних строк были нанесены новые буквы, а некоторые слова оказались совершенно неразборчивыми.

— Кто это сделал? — спросил Иоане.

Молодой монах побледнел.

— Я хотел исправить неточности, брат. Мне показалось, что прежний переписчик допустил много ошибок.

— Ты сравнивал этот текст с другими списками?

— Нет.

— Советовался с кем-нибудь?

— Нет. Я думал, что и сам справлюсь.

Иоане внимательно осмотрел листы. Он почувствовал раздражение, но постарался не показать его.

— Ты хотел помочь книге или показать, что умеешь исправлять чужие ошибки?

Монах опустил голову.

— Я хотел сделать лучше.

— Тогда запомни: желание улучшить не всегда приводит к улучшению. Иногда оно уничтожает то, что мы ещё не успели понять.

Настоятель, стоявший у окна, вмешался:

— Что теперь можно сделать?

— Попробуем восстановить первоначальный текст по другим спискам, если они найдутся. Но часть листов, возможно, уже не удастся вернуть в прежнее состояние.

Молодой переписчик едва сдерживал слёзы.

— Простите меня, отец.

Иоане положил руку ему на плечо.

— Ошибка ещё не делает человека плохим переписчиком. Но если ты не научишься признавать её, она станет твоим постоянным спутником.

Он предложил юноше вместе заняться восстановлением рукописи. Тот с благодарностью согласился.

В тот вечер Иоане долго сидел у окна. Перед ним лежали тетради Михаила, рядом — повреждённый греческий текст. Он думал о том, как легко разрушить чужой труд, даже желая принести пользу.

И ему вспомнились слова покойного учителя: знание не должно становиться оружием против человека.

Теперь он понимал, что оно не должно становиться и оружием против прошлого. Ведь каждая рукопись была не просто собранием слов. За ней стояли руки переписчиков, их ошибки, надежды, бессонные ночи и вера в то, что кто-нибудь когда-нибудь прочтёт написанное.

Иоане осторожно закрыл тетради.

Он ещё не знал, сколько лет займёт его собственный труд и какие испытания ждут впереди. Но одно становилось для него всё яснее: сохранить мысль — значит не только переписать слова. Нужно уберечь их смысл от забвения, самоуверенности и человеческой небрежности.

Глава 23. Голос за стеной

В монастыре наступила осень. Дожди шли почти ежедневно, горные тропы размыло, а по утрам над долиной стоял густой туман. В библиотеке стало прохладнее, и монахи всё чаще собирались возле очага, чтобы согреться после работы.

Иоане уже привык к здешнему распорядку. Утренние службы, хозяйственные заботы, занятия с учениками, работа над рукописями — дни складывались в последовательность дел, которая поначалу казалась ему слишком простой, а теперь обнаруживала собственную мудрость.

Никола стал усидчивее. Давид научился внимательнее относиться к словам, а Георгий постепенно превращался в настоящего собеседника, способного не только задавать вопросы, но и самостоятельно искать ответы.

Однажды вечером, возвращаясь из библиотеки, Иоане услышал за стеной спор. Голоса доносились из комнаты, где обычно собирались несколько молодых монахов.

— Ты не имеешь права так говорить! — сердито произнёс один.

— А ты не можешь запретить мне думать! — ответил другой.

Иоане остановился.

— Что случилось? — спросил он, войдя.

В комнате находились трое молодых братьев. Один из них, по имени Лука, сидел у стола, сжав руки. Напротив стоял монах постарше, которого Иоане знал как Савву. Третий пытался вмешаться, но безуспешно.

— Лука утверждает, что некоторые места в книгах следует понимать иначе, чем мы привыкли, — сказал Савва. — Он слишком много времени проводит с твоими греческими рукописями.

— Я не утверждаю, что знаю истину лучше других, — возразил Лука. — Я только спрашиваю, почему мы должны считать одно толкование единственно возможным, если сам текст допускает несколько прочтений.

— Потому что не всякому позволено толковать!

Иоане посмотрел на Луку.

— Какой именно текст вызвал спор?

Юноша поднялся и протянул ему лист.

Иоане прочитал несколько строк. Речь шла о соотношении разума и веры. Перевод действительно допускал различные оттенки смысла, но Лука, по всей видимости, сделал из этого более смелый вывод, чем позволял сам текст.

— Ты говорил об этом с настоятелем? — спросил Иоане.

— Нет. Я хотел сначала разобраться сам.

— И с кем-нибудь из старших братьев?

— Тоже нет.

Савва усмехнулся.

— Вот видишь! Он предпочитает спорить с теми, кто не может его остановить.

Иоане повернулся к нему.

— А ты предпочитаешь останавливать прежде, чем выслушал?

Савва вспыхнул.

— Я защищаю порядок.

— Порядок необходим. Но если он боится каждого вопроса, то однажды перестанет отличать верность от молчания.

Савва ничего не ответил.

Иоане попросил всех сесть.

— Давайте прочитаем этот фрагмент вместе. Не будем заранее решать, кто из нас прав.

Он прочёл греческий оригинал, затем предложил Луки изложить своё понимание. Юноша говорил неуверенно, иногда сбивался, но постепенно его мысль становилась яснее.

— Ты полагаешь, что разум помогает человеку глубже осознать веру? — спросил Иоане.

— Да. Но мне кажется, что если человек отказывается думать, он может принять за веру собственный страх.

В комнате стало тихо.

Иоане медленно сложил лист.

— Это серьёзное замечание. Но и разум нуждается в смирении. Он способен помогать человеку искать истину, однако способен и оправдывать его собственное тщеславие.

— Значит, мне нельзя сомневаться? — спросил Лука.

— Можно. Но сомнение должно вести к пониманию, а не к желанию разрушить всё, что было создано до тебя.

Савва, всё ещё недовольный, произнёс:

— А если его вопросы смутят других?

— Тогда мы должны научиться отвечать на них. Нельзя требовать от человека, чтобы он не задавал вопросов только потому, что мы не готовы к разговору.

На следующий день Иоане рассказал о случившемся настоятелю.

Тот выслушал его внимательно.

— Ты понимаешь, что некоторые братья могут обвинить тебя в том, что ты поощряешь непослушание?

— Понимаю.

— И всё же считаешь, что поступил правильно?

— Я считаю, что невежество нельзя лечить запретом на вопросы. Но и не всякий вопрос рождается из стремления к истине. Поэтому ученика нужно учить не только спрашивать, но и отвечать за свои слова.

Настоятель задумался.

— Ты всё больше напоминаешь мне человека, который приехал сюда не только за книгами.

— Я и сам начинаю это понимать, отец.

После этого разговора настоятель разрешил проводить дополнительные занятия, на которых молодые монахи могли разбирать трудные места в текстах и высказывать собственные толкования. Установили лишь одно правило: прежде чем спорить, каждый должен был внимательно изучить предмет спора.

Лука стал одним из самых прилежных учеников.

Но Савва не изменил своего отношения к Иоане. Он продолжал считать, что чрезмерное увлечение греческой философией может отвлечь монастырскую братию от её главного предназначения.

Иоане не пытался переубедить его силой. Он знал, что некоторые убеждения нельзя изменить одним разговором.

Однако теперь он понимал: работа с книгами неизбежно приводит к вопросам, которые выходят далеко за пределы библиотеки.

И чем глубже человек погружается в поиск истины, тем больше ответственности ложится на него за то, как он обращается с чужими мыслями.

Глава 24. Дорога к больному

Через несколько дней в монастырь пришёл посыльный из соседнего поселения. Он был совсем юным, промокшим до нитки и запыхавшимся от долгой дороги.

— Отец настоятель! — обратился он к встретившему его монаху. — У нас беда. Старый священник тяжело заболел. Он просит прислать человека, который умеет читать по-гречески. У него есть книга, и он боится, что после его смерти никто не сможет разобрать её содержание.

Настоятель распорядился дать мальчику горячую пищу и отдохнуть, а затем позвал Иоане.

— Ты можешь отправиться с ним?

— Конечно.

— Дорога тяжёлая. Дождь ещё не закончился.

— Если человек нуждается в помощи, погода не должна становиться оправданием.

Настоятель внимательно посмотрел на него.

— Возьми с собой Николу. Пусть учится не только по книгам.

Иоане согласился.

Они вышли из монастыря после полудня. Тропа шла через лесистый склон, местами становилась скользкой и узкой. Мальчик-посыльный торопился, но Иоане несколько раз просил его замедлить шаг.

— Как зовут больного? — спросил он.

— Отец Симеон. Он служит в нашей церкви уже много лет. Все его уважают.

— А книга?

— Не знаю. Он говорил, что она пришла издалека. Иногда он читал её по ночам и записывал что-то на отдельных листах.

Никола, шедший рядом, заинтересовался:

— Может быть, это сочинение какого-нибудь греческого философа?

— Может быть, — ответил Иоане. — Но пока мы не увидим рукопись, лучше ничего не предполагать.

К вечеру они добрались до небольшого поселения. Дома стояли на склоне, окружённые садами и каменными оградами. Из трубы одного дома поднимался тонкий дым.

Их встретила женщина средних лет.

— Вы из Петрицони? Слава Богу, что пришли. Отец Симеон совсем ослаб.

Она провела гостей в небольшую комнату. На кровати лежал худой старик с седой бородой. Его лицо было бледным, дыхание тяжёлым, но глаза оставались живыми.

— Ты Иоане? — спросил он.

— Да, отец.

— Мне говорили, ты знаешь греческие книги. Я хотел бы попросить тебя об одной услуге.

Старик указал на деревянный сундук возле стены.

Иоане открыл его и увидел несколько рукописей, аккуратно завёрнутых в ткань. Среди них лежала книга с потемневшим переплётом и небольшая тетрадь с записями.

— Эту книгу мне передал человек, который много лет назад проходил через наши места, — объяснил Симеон. — Он сказал, что она содержит важные рассуждения о природе человека. Я не всё понимал, но чувствовал, что в ней есть нечто, достойное сохранения.

Иоане осторожно раскрыл книгу.

На первых страницах он увидел знакомое имя — Немесий Эмесский.

Он на мгновение замер.

— Ты знаешь этот труд? — спросил старик.

— Знаю. Я занимался его переводом и изучением.

Симеон слабо улыбнулся.

— Значит, не зря я хранил её столько лет.

Иоане начал осматривать страницы. Это был не тот список, с которым он работал в Константинополе. Некоторые места имели отличия, а на полях сохранились заметки прежнего владельца.

Он прочитал несколько строк, затем перевернул страницу.

— Здесь есть исправления, — сказал он. — И некоторые из них весьма интересны.

— Я пытался понять их, — ответил Симеон. — Но годы уже не позволяют мне заниматься этим, как прежде.

Старик попросил Николу принести из сундука тетрадь.

— Здесь мои записи. Я не знаю, пригодятся ли они кому-нибудь.

Иоане открыл тетрадь. Почерк был неровным, но достаточно разборчивым. Симеон записывал не только перевод отдельных выражений, но и собственные размышления о человеческой душе, памяти, воле и ответственности.

— Ты проделал большую работу, отец.

— Я не учёный, — слабо возразил старик. — Просто не хотел, чтобы книга оставалась для меня набором непонятных слов.

Иоане посмотрел на него с уважением.

— Иногда именно так и начинается настоящее понимание.

Симеон попросил его сесть поближе.

— Скажи мне, брат Иоане, почему человек так много знает о мире и так мало знает о самом себе?

Иоане задумался.

— Может быть, потому, что смотреть на мир со стороны легче, чем заглядывать внутрь себя. Там человек встречает не только свои достоинства, но и собственные слабости.

— А если он не хочет их видеть?

— Тогда никакая книга не поможет ему стать мудрее.

Старик прикрыл глаза.

— Я всю жизнь служил людям. Иногда мне казалось, что я понимаю их. А теперь, когда осталось так мало времени, я вижу, сколько раз ошибался.

— Человек не может прожить жизнь, ни разу не ошибившись.

— Но может ли он исправить то, что уже сделал?

Иоане посмотрел на него.

— Не всё можно вернуть. Но можно попросить прощения, помочь тем, кому причинил боль, и передать другим то добро, которое ещё осталось в твоих силах.

Симеон долго молчал.

Потом попросил позвать женщину, встретившую гостей. Когда она вошла, он взял её за руку.

— Я был несправедлив к твоему отцу, — сказал он. — Долгие годы считал, что он поступил со мной дурно. Теперь понимаю, что не выслушал его до конца. Если он ещё жив, передай ему, что я хотел бы попросить прощения.

Женщина заплакала.

Иоане отвернулся к окну, не желая нарушать этот разговор.

В ту ночь он почти не спал. Старик временами приходил в сознание, просил воды, снова засыпал. Никола сидел рядом, помогая женщине ухаживать за больным.

На рассвете отец Симеон умер.

Утром Иоане и Никола помогли подготовить его к погребению. В доме собрались соседи, пришли люди из окрестных селений. Многие говорили о старике с благодарностью, вспоминали его помощь, советы и долгие беседы.

После похорон женщина передала Иоане рукописи.

— Он хотел, чтобы они остались у тебя. Сказал, что ты сумеешь позаботиться о них лучше, чем кто-либо другой.

Иоане принял книги, но не сразу убрал их в дорожную сумку.

— Я сохраню их, — сказал он. — И постараюсь передать другим то, что отец Симеон успел понять.

На обратном пути Никола долго молчал. Лишь когда они поднялись на горную тропу, он заговорил:

— Брат Иоане, я думал, что мы идём за книгой.

— Мы и шли за книгой.

— Но ведь главное оказалось не в ней.

Иоане остановился и посмотрел на ученика.

— Не спеши противопоставлять одно другому. Книга помогла этому человеку думать, а его мысли помогли ему увидеть собственную жизнь. Если бы он не занимался ею, возможно, он никогда не решился бы на тот разговор.

— Значит, книга может помочь человеку попросить прощения?

— Если человек читает её не только ради знания, но и ради истины.

Они продолжили путь.

Иоане нёс рукописи, прижимая их к груди, чтобы уберечь от сырого ветра. Он думал о Симеоне, о его записях и о тех словах, которые старик произнёс перед смертью.

Впервые за долгое время Иоане почувствовал, что его работа с Немесием приобретает совершенно новый смысл. Рассуждения о человеческой природе переставали быть только предметом философского исследования.

Перед ним прошла целая человеческая жизнь — со своими ошибками, любовью, обидами, поздним раскаянием и последним желанием примириться.

Иоане понял, что именно ради таких встреч стоит сохранять книги.

Ведь знание, которое не приближается к человеческому сердцу, рискует остаться всего лишь красивым украшением разума.

Глава 25. Наследство без завещания

Возвращение в Петрицони оказалось труднее, чем дорога туда. После нескольких дней дождей горные ручьи разлились, тропы стали скользкими, а низкие облака скрыли вершины. Никола несколько раз предлагал остановиться, но Иоане не хотел задерживаться: рукописи, полученные от отца Симеона, нуждались в просушке и внимательном осмотре.

Когда они наконец показались у монастырских ворот, уже смеркалось.

Настоятель встретил их в притворе.

— Как больной?

Иоане снял дорожный плащ и некоторое время молчал.

— Отец Симеон умер. Мы успели поговорить с ним. Он передал нам несколько рукописей и свои записи.

Настоятель перекрестился.

— Господь да упокоит его душу. Он был добрым человеком, хотя и не всегда умел ладить с окружающими.

— В последние часы он попросил передать одному человеку, что сожалеет о давней несправедливости.

— Значит, не напрасно ты отправился в дорогу.

Они прошли в библиотеку. Иоане разложил рукописи на сухой ткани и рассказал о найденном экземпляре сочинения Немесия. Настоятель слушал внимательно, но особенно заинтересовался тетрадью с записями покойного священника.

— Ты считаешь, его заметки имеют ценность?

— Безусловно. Он не был профессиональным философом, но внимательно читал текст и пытался понять его смысл. Некоторые замечания заслуживают отдельного рассмотрения.

— Значит, ты собираешься включить их в свою работу?

— Не как часть перевода. Я хочу сохранить их отдельно, с указанием, кому они принадлежали.

Настоятель одобрительно кивнул.

— Правильно. Не следует смешивать слова автора с мыслями читателя. Но и мысли читателя не всегда менее важны.

На следующий день Иоане пригласил Георгия и Давида помочь ему разобрать рукописи. Никола тоже пришёл, хотя после дороги ему следовало бы отдохнуть.

— Начнём с тетради, — предложил Иоане. — Сначала перепишем её без исправлений. Затем отдельно отметим места, которые требуют проверки.

Георгий раскрыл первую страницу.

— Здесь написано: «О памяти и о том, что человек сохраняет в себе после встречи с другим человеком».

— Прочитай дальше.

Юноша прочёл несколько строк. Симеон размышлял о том, что человеческая память сохраняет не только события, но и отношение к ним. Один и тот же поступок может спустя годы предстать в ином свете, когда человек узнает то, чего прежде не знал.

Давид задумался.

— Получается, память не всегда хранит правду?

— Память хранит то, как мы пережили событие, — ответил Иоане. — Но это не означает, что наше воспоминание полностью совпадает с тем, что произошло.

— Значит, человек может всю жизнь сердиться на другого из-за собственной ошибки?

— Может. И иногда именно это становится самым тяжёлым его наказанием.

Георгий продолжил читать. В конце страницы стояла короткая запись, сделанная другим почерком. Она была адресована неведомому читателю:

«Если однажды ты узнаешь, что ошибался, не считай признание поражением. Страшнее прожить жизнь, защищая то, что давно перестал считать правдой».

Иоане перечитал эти слова.

— Эту запись нужно сохранить отдельно, — произнёс он. — Возможно, она была сделана самим Симеоном.

— А если нет? — спросил Давид.

— Тогда мы укажем, что авторство неизвестно. Но сама мысль от этого не исчезнет.

В тот день они работали до позднего вечера. Постепенно тетрадь обрела порядок: записи о памяти соседствовали с рассуждениями о воле, о человеческих поступках, о страхе смерти и надежде. Некоторые страницы были посвящены событиям, которые Иоане не мог проверить, другие содержали наблюдения, удивительно близкие к вопросам, над которыми он сам размышлял.

Когда ученики ушли, он остался один.

Перед ним лежали две книги — греческий труд Немесия и тетрадь простого священника. Одна была известна учёным, другая, вероятно, никогда не покидала небольшого поселения. Но обе свидетельствовали о человеческом стремлении понять себя.

Иоане достал собственную тетрадь и записал:

«Не только великие учителя оставляют наследство. Иногда человек, проживший незаметную жизнь, передаёт потомкам мысль, которая окажется нужнее многих знаменитых рассуждений. Не следует искать мудрость исключительно там, где её принято искать».

Он отложил перо.

В памяти возник Михаил, его последние слова, его усталое лицо. Иоане подумал, что учитель, возможно, был бы рад узнать о встрече с отцом Симеоном.

Они никогда не встречались, но, вероятно, нашли бы общий язык.

И в этом заключалось нечто важное: человеческая мысль способна соединять людей, разделённых расстояниями, временем и обстоятельствами.

Глава 26. Испытание доверием

Спустя несколько недель в Петрицони прибыл гость из соседней обители. Это был монах по имени Григорий, человек образованный, привыкший к строгому порядку и точному соблюдению установленных правил.

Он привёз письмо и несколько книг, которые просил временно передать в монастырскую библиотеку.

Настоятель принял его с почётом, предложил отдых и пригласил к вечерней трапезе. За столом разговор коснулся переводов, которыми занимался Иоане.

— Я слышал, — сказал Григорий, — что у вас появился человек, который много занимается греческой философией.

— Иоане действительно много работает, — ответил настоятель.

— Говорят, он собирает вокруг себя молодых братьев и предлагает им самостоятельно толковать тексты.

— Мы стараемся учить их внимательному чтению.

Григорий посмотрел на Иоане.

— А не кажется ли тебе, брат, что подобные занятия могут привести к излишней самоуверенности? Молодой человек прочтёт несколько страниц Платона или Прокла и уже вообразит себя мудрее старцев.

— Такая опасность существует, — спокойно ответил Иоане. — Но она существует и тогда, когда человек читает только знакомые ему тексты и никогда не проверяет собственных представлений.

— Ты полагаешь, что всякая книга полезна?

— Нет. Но я полагаю, что человек должен уметь отличать полезное от вредного, а не просто бояться незнакомого.

Григорий слегка нахмурился.

— Не всякому дано такое различение.

— Согласен. Поэтому нужны учителя, опыт и осторожность. Но если мы никогда не позволим ученику самостоятельно думать, он так и останется зависимым от чужого мнения.

После трапезы настоятель попросил Иоане показать гостю библиотеку.

Они прошли между деревянными полками. Григорий внимательно осматривал рукописи, иногда задавал вопросы о происхождении текстов. Вскоре он остановился возле стола, на котором лежали записи отца Симеона.

— Что это?

— Заметки одного священника из соседнего поселения. Он умер несколько недель назад и оставил их вместе с книгами.

Григорий взял тетрадь и стал перелистывать страницы.

— Ты собираешься хранить подобные записи?

— Да. Это свидетельство работы человеческой мысли.

— Но здесь нет ни имени знаменитого автора, ни особой богословской ценности.

— Зато есть честная попытка понять прочитанное.

Григорий закрыл тетрадь.

— Боюсь, ты слишком легко придаёшь значение всему, что попадает тебе в руки.

Иоане не стал спорить.

Однако на следующий день случилось нечто неожиданное.

Один из молодых монахов сообщил, что несколько страниц из рукописи Прокла исчезли. Накануне они лежали на столе, а теперь их не было.

Настоятель приказал проверить библиотеку и опросить тех, кто входил туда в последние дни.

Подозрение быстро пало на Луку. Он действительно занимался этой рукописью и накануне задержался в библиотеке дольше остальных.

— Я ничего не брал, — сказал он, когда его привели к настоятелю.

— Ты был последним, кто работал с рукописью, — заметил Савва.

— Но это не означает, что я украл страницы!

— Тогда объясни, куда они исчезли.

Лука растерянно посмотрел на Иоане.

— Брат, ты знаешь, что я не мог этого сделать.

Иоане почувствовал, как на него смотрят остальные. Все ждали его ответа.

— Я не знаю, кто взял страницы, — произнёс он. — Но я не позволю обвинять ученика только потому, что у нас пока нет другого объяснения.

Савва резко возразил:

— Ты защищаешь его, потому что он твой ученик!

— Именно поэтому я обязан быть особенно осторожным. Если я поверю ему только из-за привязанности, это будет несправедливо. Но если обвиню его без доказательств, это будет ещё хуже.

Настоятель распорядился продолжить поиски.

Иоане вернулся в библиотеку и внимательно осмотрел стол, полки и помещение, где хранились повреждённые рукописи. Он заметил, что на столешнице остались следы от влажной ткани, которой обычно накрывали листы. Затем вспомнил, что накануне один из переписчиков переносил туда несколько книг для просушки.

Он попросил принести все материалы, которые перемещали в тот день.

После долгих поисков страницы обнаружились между двумя деревянными дощечками, которыми прижимали расправленные листы. Их случайно положили туда, чтобы они не скручивались от сырости, а затем забыли.

Лука был невиновен.

Когда настоятель объявил об этом, молодой монах облегчённо вздохнул. Савва отвернулся.

Иоане подошёл к Луке.

— Теперь ты понимаешь, почему нельзя спешить с выводами?

— Да, брат.

— И ещё кое-что. Не позволяй несправедливому обвинению сделать тебя несправедливым к другим.

Лука кивнул.

Позже Григорий встретился с Иоане в библиотеке.

— Ты поступил разумно, — сказал он. — Но должен признать, что твоя уверенность в учениках могла оказаться ошибочной.

— Могла. Поэтому я и не утверждал, что знаю, кто виноват. Я лишь просил не выносить приговор раньше времени.

Григорий некоторое время молчал.

— Возможно, я был слишком строг к твоим занятиям.

— Строгость сама по себе не порок, брат. Плохо, когда она перестаёт различать человека и его поступок.

Гость улыбнулся.

— Ты умеешь отвечать так, что собеседнику трудно сердиться.

— Не всегда, — признался Иоане. — Я и сам не раз сердился, когда не находил ответа.

Они вместе осмотрели рукопись. Григорий заинтересовался некоторыми фрагментами и попросил разрешения ознакомиться с переводческими заметками Иоане.

Вечером он долго беседовал с настоятелем, а перед отъездом сказал Иоане:

— Я всё ещё не уверен, что согласен со всеми твоими взглядами. Но теперь понимаю, что ты не стремишься сделать учеников своими последователями. Ты хочешь научить их думать.

— Иначе они не смогут продолжить работу после нас.

— Возможно, в этом и есть главное назначение учителя.

Когда гость покинул монастырь, Иоане вернулся к своим занятиям.

Он не считал, что одержал победу в споре. Напротив, встреча заставила его задуматься о собственной ответственности. Учитель легко может увлечь учеников своими словами, но гораздо труднее научить их не зависеть от него.

В ту ночь он сделал ещё одну запись:

«Настоящий ученик не обязан повторять мысли учителя. Его обязанность — честно искать истину. И если однажды он найдёт то, чего не заметил его наставник, учитель должен радоваться, а не бояться».

За окном шумел ветер. Где-то в глубине монастыря пробил колокол.

Иоане погасил лампаду, но ещё долго не мог уснуть. Он чувствовал, что Петрицони постепенно становится не просто пристанищем, а местом, где рождается его собственный путь.

И этот путь уже не ограничивался переводом чужих книг. Он начинал складываться в нечто большее — в школу мысли, в которой человек должен был учиться не слепому согласию, а ответственному поиску.

Глава 27. Человек с другой стороны гор

Зима приближалась незаметно. Сначала похолодали ночи, затем на вершинах появились первые снежные полосы, а вскоре ветер стал приносить в долину запах далёкого снега. Монастырская жизнь шла своим чередом, хотя каждый день требовал всё больше забот.

Иоане теперь доверяли не только занятия с молодыми монахами и работу над рукописями. Настоятель нередко просил его разбирать письма, которые приходили из других обителей, помогать приезжим и участвовать в беседах с людьми, нуждавшимися в совете.

Он не считал себя мудрецом. Напротив, чем больше узнавал, тем яснее видел границы собственного понимания. Но теперь у него появилось то, чего прежде не было: возможность проверять свои мысли не только чтением, но и живым общением.

Однажды утром к монастырю подошёл незнакомец. Он был одет в тёмный дорожный плащ, опирался на длинный посох и заметно хромал. За плечами у него висела небольшая сумка, а лицо казалось усталым от долгого пути.

Привратник сообщил о госте настоятелю.

— Он говорит, что пришёл из далёкого поселения за горами. Просит поговорить с человеком, который знает греческие книги.

Настоятель распорядился пригласить его.

Незнакомец вошёл в комнату, поклонился и представился:

— Меня зовут Арчил. Я не монах и не учёный. Но много лет занимаюсь перепиской книг и иногда помогаю священникам разбирать старые тексты.

— Что привело тебя сюда? — спросил настоятель.

— Я услышал, что в Петрицони работает человек, который умеет переводить греческие сочинения. У меня есть рукопись. Я не могу понять несколько её мест, а один из переписчиков утверждает, что текст содержит опасные мысли.

Иоане заинтересованно поднял голову.

— Ты принёс её с собой?

Арчил достал из сумки небольшой свёрток. Внутри находилось несколько листов, написанных разными почерками. Бумага была потёртой, а края местами повреждены.

Иоане разложил их на столе.

— Откуда эта рукопись?

— Она принадлежала человеку, который жил неподалёку от нашего поселения. Его уже нет в живых. После него осталось несколько книг. Родственники решили избавиться от них, но я попросил отдать мне хотя бы эти листы.

— Почему?

Арчил пожал плечами.

— Мне показалось, что они не должны исчезнуть. Я не всё понимаю, но чувствую, что в них есть что-то важное.

Иоане внимательно прочитал первые строки. Текст оказался философским рассуждением о происхождении порядка в мире, о причинах существования вещей и о связи видимого с невидимым. В нескольких местах встречались выражения, знакомые ему по чтению Прокла.

Однако особенно заинтересовал его один фрагмент, написанный на полях другим почерком.

— Кто сделал эти заметки?

— Не знаю. Возможно, прежний владелец.

Иоане прочитал их ещё раз.

— Здесь задаётся вопрос: если всё существующее зависит от первопричины, каким образом отдельная вещь сохраняет собственную природу и не растворяется в единстве всего сущего?

Арчил внимательно посмотрел на него.

— Я тоже не понял этого места.

— А что именно тебя беспокоит?

— Мне кажется, что если всё имеет начало в едином источнике, то человек должен быть всего лишь частью чего-то большего. Но ведь каждый человек отвечает за собственные поступки. Как совместить одно с другим?

Иоане не сразу ответил.

— Ты задаёшь вопрос, который нельзя разрешить одним переводом.

— Значит, он действительно важен?

— Очень.

Арчил усмехнулся.

— Я думал, учёные любят вопросы, на которые уже знают ответы.

— Иногда они слишком любят именно такие вопросы, — улыбнулся Иоане. — Но настоящая работа начинается там, где ответ ещё предстоит найти.

В течение дня они разбирали рукопись. Иоане объяснял происхождение отдельных выражений, сравнивал их с известными ему текстами, показывал, где переписчик допустил неточность. Арчил слушал внимательно, но время от времени возвращался к одному и тому же затруднению.

Наконец он спросил:

— Если человек не понимает философских книг, значит ли это, что он не способен приблизиться к истине?

Иоане отложил перо.

— Нет. Но ему может быть труднее выразить то, что он понимает. Не следует путать отсутствие учёности с отсутствием разума.

— Я много лет переписывал книги, — сказал Арчил. — Иногда мне казалось, что я просто переношу чужие слова с одного листа на другой. А иногда вдруг понимал, что написанное касается моей собственной жизни. И тогда я уже не мог оставаться прежним.

— Значит, ты занимался не только перепиской.

— Возможно. Но я никогда не осмеливался назвать это учёностью.

Иоане посмотрел на него с уважением.

— Не каждому, кто ищет истину, необходимо иметь громкое имя. Важнее, чтобы он не обманывал самого себя.

Вечером Арчил остался в монастыре. Они ещё долго разговаривали, а на следующее утро незнакомец попросил разрешения присутствовать на занятиях молодых монахов.

Иоане согласился.

Когда Арчил вошёл в учебную комнату, Никола с удивлением посмотрел на его дорожный плащ и посох.

— Он тоже будет учиться?

— Сегодня, возможно, нам всем придётся кое-чему у него научиться, — ответил Иоане.

На этот раз урок начался не с греческого текста, а с рассказа Арчила о человеке, который всю жизнь переписывал книги, но так и не научился читать собственную душу.

Ученики слушали внимательно.

Иоане не перебивал гостя. Он понимал, что перед ним человек, не обладающий академическими знаниями, но прошедший собственную школу размышлений.

И впервые задумался о том, что его будущий труд должен быть понятен не только тем, кто знаком с языком философов. Если мысль не может приблизиться к человеку, который трудится, любит, ошибается и страдает, значит, ей ещё предстоит найти достойное выражение.

Глава 28. Вопрос о единстве

Арчил провёл в Петрицони несколько дней. За это время он успел познакомиться с монахами, осмотреть библиотеку и принять участие в нескольких занятиях. Он оказался человеком наблюдательным, сдержанным, иногда неожиданно остроумным.

Никола быстро проникся к нему симпатией. Давид относился к гостю с некоторой осторожностью, а Георгий всё чаще просил его рассказать о книгах, которые тот видел в других поселениях.

Но одна беседа особенно запомнилась Иоане.

Они сидели в библиотеке. За окном медленно темнело, а на столе лежали раскрытые страницы Прокла и записи, сделанные Иоане во время занятий.

Арчил долго рассматривал одну из схем, которую Иоане начертил на отдельном листе.

— Ты пытаешься объяснить, как многое может происходить от одного начала, — сказал он.

— Да. В философии Прокла эта мысль занимает важное место.

— Но если всё происходит от единого, почему мир не становится единым и одинаковым?

Иоане улыбнулся.

— Потому что единство не обязательно означает однообразие. Посмотри на живое дерево. Его корень, ствол, ветви и листья различны, но они не существуют независимо друг от друга.

Арчил задумался.

— А если одна ветвь начинает считать себя главным деревом?

— Тогда она забывает, откуда получает жизнь.

— Но разве человек не должен иметь собственную волю?

— Должен. Иначе невозможно говорить о его ответственности.

Арчил провёл пальцем по краю листа.

— Значит, человек одновременно принадлежит целому и остаётся самим собой?

Иоане не ответил сразу. Вопрос был сформулирован просто, но затрагивал одну из самых трудных сторон философского поиска.

— Я бы сказал, что принадлежность целому не уничтожает своеобразия отдельного существа. Но нужно быть осторожным: образ дерева помогает понять мысль, однако не заменяет доказательства.

Арчил рассмеялся.

— Вот теперь я понимаю, почему с тобой трудно спорить. Ты даже собственную метафору не позволяешь принять за истину.

— Потому что метафора должна помогать разуму, а не подменять его.

Они продолжили разговор.

Иоане объяснил, что в философии Прокла существование вещей рассматривается через их отношение к первопричине, единству, различию и порядку. Но он не ограничился пересказом чужих положений. Его интересовало, каким образом эти идеи могут быть поняты в христианском мировоззрении, не смешивая философские рассуждения с положениями веры.

Арчил слушал и время от времени задавал вопросы.

— А что происходит с человеком, который всю жизнь ищет единство, но не может найти его даже внутри себя?

— Возможно, он слишком рано требует от себя окончательного ответа.

— Или слишком поздно начинает искать?

— И такое бывает.

Арчил помолчал.

— Знаешь, брат Иоане, я много лет видел, как люди спорят о правильных словах, но не могут примириться друг с другом. Каждый защищает свою правду, и никто не хочет услышать другого. Может быть, поэтому мир так часто оказывается разделённым?

— Различие между людьми само по себе не является злом, — ответил Иоане. — Беда начинается тогда, когда человек превращает различие в причину ненависти.

— Значит, единство не требует, чтобы все думали одинаково?

— Если бы все думали одинаково, не было бы ни поиска, ни настоящего разговора.

Арчил долго смотрел на него.

— Тогда, возможно, я впервые начинаю понимать, зачем ты занимаешься философией.

Иоане улыбнулся, но ничего не сказал.

После ухода гостя он остался в библиотеке. Разговор не давал ему покоя. Перед ним лежали записи, сделанные на протяжении нескольких лет, выписки из Прокла, собственные переводы, замечания к отдельным положениям.

Он перелистывал страницы и постепенно замечал, что за разрозненными рассуждениями начинает проступать определённая последовательность.

Ему хотелось не просто объяснить труд Прокла грузинскому читателю. Он стремился показать, как философские положения связаны между собой, почему одно следует из другого, какие затруднения возникают при их понимании и каким образом можно избежать неверных выводов.

Но ещё важнее было другое: он всё чаще обнаруживал, что сам задаёт вопросы, которых не находил в прочитанных книгах.

Иоане взял чистый лист.

Сначала он написал несколько слов, затем перечеркнул их. Попробовал иначе, снова остановился. Наконец вывел заглавие:

«О единстве и порядке существующего».

Он долго смотрел на написанное.

Это ещё не было названием будущего труда. Скорее, обозначением вопроса, который постепенно становился центральным в его размышлениях.

В комнату вошёл Георгий.

— Брат Иоане, настоятель просил узнать, закончишь ли ты сегодня занятия.

— Уже закончил. Что-нибудь случилось?

— Нет. Просто он хотел поговорить с тобой о дальнейшей работе.

Иоане собрал листы.

— Тогда пойдём.

По дороге Георгий спросил:

— Ты сегодня был особенно задумчив.

— Иногда одна беседа открывает больше, чем несколько прочитанных книг.

— Это был разговор с Арчилом?

— Да.

— Но ведь он не учёный.

Иоане остановился и посмотрел на ученика.

— Георгий, запомни: не следует измерять глубину человеческой мысли только количеством прочитанных книг. Арчил не знает многих философских терминов, но умеет задавать вопросы, которые заставляют меня возвращаться к собственным основаниям.

— Значит, он тоже твой учитель?

— В некотором смысле — да.

В кабинете настоятеля их уже ждали.

На столе лежали письма из других монастырей, а рядом находилась небольшая стопка рукописей.

— Брат Иоане, — начал настоятель, — я хотел бы обсудить с тобой одну мысль. Наши занятия становятся известны за пределами Петрицони. Некоторые обители просят прислать им переводы и пояснения к греческим текстам.

Иоане внимательно слушал.

— Я не обещаю, что смогу выполнить все просьбы, — ответил он.

— Никто и не требует от тебя невозможного. Но, возможно, пришло время подумать о более систематической работе.

— Я тоже об этом думал.

— Что именно ты намерен предпринять?

Иоане помолчал.

— Мне хотелось бы продолжить перевод Прокла и подготовить подробные пояснения к его положениям. Не просто пересказать текст, а помочь читателю понять ход мысли, увидеть связи между отдельными частями и разобраться в трудных местах.

Настоятель посмотрел на него с явным интересом.

— Это потребует многих лет.

— Я понимаю.

— И не всякий оценит такую работу.

— Я не могу выбирать за будущих читателей. Но могу постараться сделать её честно и добросовестно.

Настоятель поднялся и подошёл к окну.

— Тогда приступай. Мы постараемся обеспечить тебе необходимое время. Но не забывай о братии и учениках. Твой труд не должен отделить тебя от людей.

— Не забуду, отец.

Когда Иоане вышел из кабинета, в коридоре его ждал Георгий.

— Значит, ты напишешь собственную книгу?

— Пока я только собираюсь начать работу.

— Но ведь это уже начало.

Иоане улыбнулся.

— Иногда начало труда наступает задолго до того, как человек решается назвать его своим произведением.

Вечером он снова раскрыл чистый лист. На этот раз рука его была спокойнее.

Он написал первые строки, затем остановился, перечитал их и продолжил.

За монастырскими стенами темнели горы. Вдали слышался шум ветра, а в соседней комнате Никола спорил с Давидом о переводе очередного греческого выражения.

Иоане прислушался к их голосам и улыбнулся.

Ему больше не казалось, что он одинок в своём поиске.

Путь, начавшийся когда-то с желания понять несколько непонятных слов в старой книге, постепенно превращался в дело, которому предстояло занять значительную часть его жизни.

И всё же он знал: самое трудное ещё впереди. Перевести чужую мысль — уже большая ответственность. Но изложить её так, чтобы сохранить точность, не потерять глубину и при этом помочь другим увидеть собственный путь к пониманию, — задача совсем иного порядка.

Именно к ней он теперь готовился.

Глава 29. Первые строки

Работа над пояснениями к Проклу началась не так, как представлял себе Иоане.

Он думал, что сможет посвятить несколько недель последовательному изложению основных положений философа, но уже первые страницы показали, насколько сложной окажется задача. Каждое определение требовало уточнения, каждое утверждение тянуло за собой другое, а попытка объяснить сложную мысль простыми словами иногда приводила к тому, что исчезала сама её глубина.

Иоане несколько раз переписывал начало.

Однажды утром Георгий застал его перед столом, заваленным листами.

— Ты опять не спал?

— Спал, — ответил Иоане, не поднимая головы. — Но, кажется, недостаточно.

— Настоятель говорит, что ты слишком много работаешь.

— Настоятель прав. Только пока я не знаю, как работать меньше и при этом не оставить дело незавершённым.

Георгий подошёл к столу и посмотрел на исписанные страницы.

— Почему ты перечеркнул этот абзац? Мне казалось, вчера он тебе понравился.

— Вчера я думал, что объяснил мысль достаточно ясно. Сегодня увидел, что читатель может понять её совершенно иначе.

— Но ведь ты сам понимаешь, что хотел сказать.

Иоане отложил перо.

— В этом и заключается одна из главных трудностей письма. Автор знает, что находится у него в голове, и иногда ошибочно полагает, будто читатель видит то же самое. Но читатель получает только написанные слова. Всё остальное ему приходится восстанавливать самому.

Георгий взял один из листов.

— Здесь ты пишешь, что единство не уничтожает различия.

— Да.

— А почему тогда мы вообще называем множество единым?

Иоане внимательно посмотрел на ученика.

— Потому что отдельные вещи могут быть связаны общим основанием и порядком. Но не следует думать, будто различия существуют только для того, чтобы исчезнуть.

— Значит, единство не должно быть уничтожением отдельного?

— Именно. И это положение требует очень осторожного объяснения.

Георгий положил лист обратно.

— Теперь я понимаю, почему ты так долго работаешь над несколькими строками.

Иоане улыбнулся.

— Хорошо, если ты понимаешь это сегодня. Завтра, возможно, снова решишь, что я просто слишком медленно пишу.

В этот момент в дверь постучали. Вошёл Никола.

— Брат Иоане, настоятель просит тебя прийти во двор. Там возник спор.

— Что случилось?

— Пришли двое братьев из соседнего поселения. Они привезли книги и требуют, чтобы мы немедленно приняли их. А наш хозяйственный брат говорит, что для хранения нет места.

Иоане поднялся.

— Пойдём посмотрим.

Во дворе действительно стояла небольшая телега. На ней находились деревянный ящик и несколько свёртков, завёрнутых в промасленную ткань. Двое приезжих монахов выглядели встревоженными.

— Мы не можем увезти их обратно, — сказал старший. — В нашей обители начался ремонт, а помещение, где хранились книги, пришлось освободить. Если оставить их там, они погибнут от сырости.

Хозяйственный монах недовольно возразил:

— У нас тоже нет свободного помещения. Мы не можем принимать всё, что привозят из окрестных монастырей.

Настоятель посмотрел на Иоане.

— Что скажешь?

Тот осмотрел ящик.

— Прежде чем решать, нужно узнать, что именно здесь находится и в каком состоянии книги.

— Но это займёт время, — сказал хозяйственный монах.

— А если мы откажем сейчас, можем потерять то, что уже невозможно будет восстановить.

Иоане предложил временно разместить рукописи в сухом помещении возле библиотеки. Приезжие согласились помочь с переноской, а настоятель распорядился выделить двух монахов для осмотра.

Когда ящик открыли, обнаружилось, что среди книг есть несколько старых грузинских рукописей, греческие богословские тексты и сборник писем, написанных разными людьми.

Иоане сразу заинтересовался последним.

— Здесь есть письма из других обителей, — заметил он. — Возможно, они помогут нам понять, откуда происходят некоторые рукописи.

Один из приезжих монахов кивнул.

— Мы нашли их в старом сундуке. Никто уже не помнит, кто и когда собрал эти письма.

Иоане бережно взял верхний лист.

На нём сохранилась печать, а внизу стояло имя человека, которого он когда-то встречал в Константинополе.

Он замер.

— Откуда это письмо?

— Не знаю. Оно лежало среди остальных.

Иоане перечитал подпись. Воспоминания нахлынули неожиданно: знакомые улицы, шум торговых рядов, разговоры Михаила, долгие вечера над рукописями.

Он осторожно положил письмо на стол.

— Эти бумаги нужно изучить отдельно. Они могут оказаться важнее, чем мы предполагаем.

Настоятель заметил перемену в его лице.

— Ты узнал имя?

— Да. Оно связано с людьми, которых я знал в Константинополе.

Впервые за долгое время прошлое словно протянуло к нему руку.

Глава 30. Письмо из прошлого

В тот же вечер Иоане вернулся к письму.

Оно было написано на греческом языке, довольно уверенным почерком. Чернила местами поблекли, но основная часть текста сохранилась. Автор обращался к некоему монаху, сообщая о судьбе нескольких рукописей и о людях, которые занимались их перепиской.

Имя Михаила не упоминалось в самом начале, но на третьей странице Иоане обнаружил знакомое обращение.

Он перечитал его дважды.

Это действительно было письмо человека, знавшего его прежнего учителя. Не личное послание Михаилу, а свидетельство о событиях, происходивших в кругу людей, с которыми тот был связан.

Иоане почувствовал, как сжимается сердце.

Он давно смирился с мыслью, что больше никогда не услышит ничего о человеке, который так много значил для него. Но теперь перед ним лежал лист, способный вернуть хотя бы часть утраченного прошлого.

Он позвал Георгия.

— Прочитай этот фрагмент.

Юноша внимательно разобрал несколько строк.

— Здесь говорится о человеке, который передал свои записи другому монаху. Потом упоминается дорога и некая библиотека.

— Продолжай.

Георгий прочитал ещё несколько предложений и остановился.

— Здесь имя Михаил.

Иоане закрыл глаза.

В письме рассказывалось, что после отъезда одного из знакомых учёных его заметки были переданы в другую обитель. Автор выражал сожаление, что не смог лично проститься с ним, и просил сохранить записи, поскольку они могли оказаться полезными будущим читателям.

Никаких подробностей о последних днях Михаила не было. Но Иоане впервые узнал, что его учитель не исчез из памяти всех, кто его знал.

— Значит, о нём помнили и другие люди, — тихо произнёс Георгий.

— Конечно. Только я почему-то думал, что его жизнь завершилась вместе с нашим последним разговором.

— А разве она могла завершиться?

Иоане посмотрел на ученика.

— Для него самого — да. Но не для тех, кому он передал свои мысли.

Он продолжил переводить письмо. В нём говорилось о необходимости бережно относиться к рукописям, не смешивать авторские тексты с позднейшими исправлениями и сохранять имена людей, участвовавших в создании книг.

Иоане невольно улыбнулся. Эти мысли были удивительно близки тому, чему его учил Михаил.

На следующий день он показал письмо настоятелю.

— Ты уверен, что это тот самый человек? — спросил тот.

— Имя совпадает, а содержание подтверждает связь с Михаилом. Но я не могу утверждать, что письмо написано непосредственно ему.

— И всё же для тебя оно имеет большое значение.

— Да. Я узнал, что мой учитель оставил след не только в моей памяти.

Настоятель внимательно посмотрел на него.

— Иногда человеку необходимо получить подтверждение, что его труд не исчез бесследно.

— Я не хочу, чтобы моя работа зависела от того, будут ли помнить моё имя. Но мне важно знать, что знания, которые передавал Михаил, продолжают жить.

Настоятель кивнул.

— Тогда сохрани это письмо. И не забудь указать, откуда оно происходит.

Иоане вернулся в библиотеку и начал составлять описание находки. Он отметил состояние листов, почерк, сохранившиеся имена и обстоятельства обнаружения. Затем отдельно перевёл фрагмент, связанный с Михаилом.

Георгий наблюдал за его работой.

— Брат Иоане, ты собираешься включить это письмо в свою книгу?

— Возможно, но сначала нужно понять его происхождение и значение. Нельзя использовать каждую найденную строку только потому, что она нам дорога.

— Даже если она напоминает о близком человеке?

— Особенно тогда. Любовь к человеку не освобождает нас от обязанности быть точными.

Вечером Иоане достал тетради Михаила. Он положил рядом переведённое письмо и долго сравнивал записи.

Некоторые выражения совпадали с теми, которые учитель употреблял в своих рассуждениях. Но Иоане не стал делать поспешных выводов. Он понимал, что сходство слов ещё не доказывает авторство или прямую связь между текстами.

Он лишь записал:

«Учитель продолжает присутствовать в моей жизни не потому, что я помню его голос, а потому, что его мысли заставляют меня работать дальше. Возможно, именно так человек и остаётся среди живых».

Потом Иоане подошёл к окну.

На дворе молодые монахи переносили книги в новое помещение. Никола что-то рассказывал Арчилу, который перед отъездом решил помочь с устройством библиотеки. Давид спорил с Саввой о том, как лучше распределить рукописи по полкам. Георгий сидел за столом и переписывал очередной фрагмент.

Жизнь продолжалась.

Иоане вдруг понял, что его собственная работа уже перестала быть только личным поиском. Вокруг неё постепенно складывалось сообщество людей, каждый из которых по-своему стремился сохранить и передать знание.

Он вернулся к столу, раскрыл рукопись Прокла и продолжил писать.

Теперь ему было легче. Не потому, что труд стал проще, а потому, что он яснее понимал, ради кого и ради чего его выполняет.

За пределами Петрицони существовали другие монастыри, другие библиотеки, другие люди, которые, возможно, никогда не встретятся друг с другом. Но между ними уже протягивалась незримая нить — нить сохранённой мысли.

Иоане хотел сделать всё возможное, чтобы она не оборвалась.

Глава 31. Зима за монастырскими стенами

Зима пришла в горы раньше обычного. Ещё несколько дней назад на склонах держалась осенняя желтизна, а теперь снег лежал на камнях, укрывал тропы и тяжёлыми шапками оседал

на ветвях деревьев. Ветер дул с перевалов, забирался под одежду, проникал в щели между брёвнами и заставлял монастырские двери глухо постукивать в своих петлях.

Иоане заметил перемену погоды ещё на рассвете. Он вышел из кельи, задержался у каменной стены и посмотрел на небо. Тучи шли низко, словно касались вершин. Где-то далеко прогремел глухой удар грома, хотя до настоящей зимы оставалось совсем немного.

У колодца он встретил хозяйственного монаха, который с недовольным видом осматривал мешки с зерном.

— Плохо дело, отец Иоане, — произнёс тот вместо приветствия. — Если снег ляжет надолго, запасов может не хватить.

— Насколько плохо?

— На монастырь хватит. Если не случится ничего непредвиденного. Но вчера приходили люди из ближайшего селения. У них почти не осталось муки. Просили немного зерна до весны.

— И что ты им ответил?

— Что монастырь не может кормить всю округу. У нас свои братья, свои обязанности. Если начнём раздавать запасы, сами останемся голодными.

Иоане не стал сразу возражать. Он знал, что за словами хозяйственного монаха стояла не жадность, а тревога человека, которому поручили сохранить то, без чего община не сможет прожить зиму.

— Сколько зерна они просили?

— Два мешка. Может быть, три. Но я отказал.

— А сколько у нас осталось?

Монах назвал количество. Иоане задумался.

— Покажи мне запасы после утренней службы. И список тех, кто живёт в селении.

— Зачем тебе это?

— Хочу понять, можно ли помочь людям, не подвергая опасности монастырь.

Хозяйственный монах посмотрел на него с сомнением.

— Ты рассуждаешь как человек, которому не приходится каждый день отвечать за кладовые.

— А ты, — спокойно ответил Иоане, — отвечаешь за зерно. Но разве зерно существует ради кладовой?

Монах ничего не сказал и отвернулся.

К полудню снег усилился. Ветер поднял с земли мелкую ледяную пыль, и вскоре дорога к селению стала почти неразличимой. Иоане всё же отправился туда вместе с Николаем и Давидом. Настоятель, узнав об их намерении, не одобрил поспешности, но и запрещать не стал.

— Только не задерживайтесь, — предупредил он. — В горах погода меняется быстрее человеческих решений.

Они шли медленно. Николай нёс небольшой мешок с хлебом, Давид — фонарь и верёвку. Иоане взял посох, хотя в последнее время всё чаще чувствовал, что прежняя лёгкость движений покидает его.

В селении их встретили настороженно. Люди не привыкли видеть монастырских братьев в такую погоду. Из одного дома вышла пожилая женщина, укутанная в тёмную шерстяную накидку. Она узнала Иоане и поклонилась.

— Отец, — сказала она, — мы не хотели просить много. Просто дети уже несколько дней едят только то, что удаётся собрать.

— Сколько вас осталось в доме?

— Я, сын, невестка и трое внуков. Старший уже работает, а младшие ещё малы.

Иоане попросил показать запасы. В небольшом помещении стоял почти пустой деревянный короб. На полке лежали несколько сушёных яблок и кусок твёрдого сыра. Женщина не жаловалась, но её руки выдавали усталость.

В соседнем доме положение оказалось не лучше. Там жил мужчина по имени Мераб, недавно потерявший часть урожая из-за болезни. Он встретил гостей с явным недоверием.

— Не нужно нам милостыни, — сказал он. — Мы просили взаймы. Вернём, когда соберём новый урожай.

— А если урожая снова не будет? — спросил Иоане.

— Тогда будем искать работу.

— А если работа не найдётся?

Мераб нахмурился.

— Что же ты предлагаешь? Чтобы мы привыкли жить чужим хлебом?

Иоане посмотрел на него внимательно.

— Я предлагаю не путать помощь с унижением. Человек, который сегодня принимает хлеб, завтра может помочь тому, кто окажется в беде. Так и держится община.

Мераб отвёл взгляд. В его лице уже не было прежней резкости.

Когда они возвращались, снег стал настолько густым, что дорогу приходилось угадывать по очертаниям камней. У поворота к монастырю Николай поскользнулся и упал. Мешок с хлебом выскользнул у него из рук и покатился вниз по склону.

— Стой! — крикнул Давид.

Он успел схватить мешок, но сам едва удержался на ногах. Иоане помог обоим подняться. Несколько мгновений они стояли молча, прислушиваясь к ветру.

— Вот видишь, отец, — произнёс Николай, тяжело дыша. — Даже дорога не желает, чтобы мы возвращались.

— Дорога ничего не желает, — ответил Иоане. — Она лишь показывает, насколько мы готовы отвечать за свой выбор.

В монастырь они добрались уже в сумерках.

Настоятель встретил их у входа. Хозяйственный монах стоял рядом, явно ожидая объяснений.

— Вы принесли известия? — спросил настоятель.

— Да. И я думаю, что мы можем помочь, — сказал Иоане. — Но не раздачей без меры. Нужно составить перечень семей, определить, кому помощь необходима прежде всего, и договориться о возврате зерна после следующего урожая. Те, кто сможет работать, помогут монастырю весной: восстановят ограду, расчистят тропу, приведут в порядок хозяйственные постройки.

— А если не смогут вернуть? — спросил хозяйственный монах.

— Тогда не вернут. Но мы хотя бы будем знать, что не оставили людей умирать от голода из-за страха потерять несколько мешков.

Настоятель долго молчал.

— Ты предлагаешь нам взять на себя ответственность не только за собственную братию.

— Разве она когда-нибудь ограничивалась монастырскими стенами?

Хозяйственный монах хотел возразить, но не нашёл слов. Он достал из-за пояса связку ключей и сказал:

— Завтра пересчитаю всё ещё раз. Если отдать два мешка, запасов хватит. Но больше не обещаю.

— И не нужно обещать больше, чем можешь выполнить, — ответил Иоане.

На следующий день зерно отправили в селение. Его сопровождали Николай и Давид. Хозяйственный монах лично проверил мешки и велел записать каждую выдачу. Он оставался человеком строгим и осторожным, но теперь его строгость уже не казалась Иоане препятствием. Она была необходимой частью общего дела.

Вечером, когда снег немного утих, Иоане вернулся к рукописи. На столе лежали записи, перевод и листы с пояснениями к Проклу. Он долго смотрел на начатую строку, затем отложил перо.

Ему вспомнились пустые закрома в крестьянских домах, испуганные глаза детей, руки старой женщины и упрямство Мераба, который не хотел принимать помощь.

В книгах он искал единство причин и следствий, связь видимого и невидимого, порядок, благодаря которому мир не распадается на случайные части. Но сегодня ему открылось нечто более простое и одновременно более трудное: единство нельзя только объяснять. Его необходимо поддерживать поступками.

Он снова взял перо и написал на свободном листе:

«Мысль, которая не возвращается к человеку, рискует остаться лишь упражнением ума».

Эту строку он не собирался включать в перевод Прокла. Она принадлежала ему самому.

Глава 32. Человек с царским письмом

Через несколько дней после снегопада в монастырь прибыл незнакомец.

Он появился во второй половине дня, когда братья занимались обычными делами. Его сопровождали двое вооружённых слуг. Сам он был одет неброско, но добротная ткань плаща, ухоженная обувь и серебряная застёжка на поясе выдавали человека, привыкшего к хорошим дорогам и уважительному приёму.

Настоятель вышел ему навстречу.

— Мир этому дому, — сказал незнакомец.

— И тебе мир. Кто ты и с каким делом пришёл?

— Меня зовут Бека. Я прибыл от людей, служащих при дворе. У меня письмо для настоятеля и отдельное поручение одному из ваших братьев.

Настоятель пригласил гостя в помещение для приёма. Письмо было запечатано. После того как печать осмотрели, настоятель прочитал послание и нахмурился.

— Здесь говорится о рукописях, — произнёс он.

— Именно поэтому меня и отправили, — ответил Бека. — В одном из монастырей на грузинской земле обнаружены старые книги. Некоторые написаны по-гречески, другие содержат переводы, которые трудно разобрать. Люди, отвечающие за их сохранность, хотят получить помощь человека, знакомого с философскими текстами и умеющего работать с греческим языком.

— И кого они просят прислать?

Бека назвал имя Иоане.

Настоятель поднял глаза.

— Ты знаешь его?

— Лично нет. Но о нём говорили люди, которым я доверяю. Сказали, что он не просто читает книги, но умеет объяснять их смысл и не торопится выносить суждения.

Иоане позвали из библиотеки. Он вошёл, выслушал гостя и прочитал письмо. В нём не было ни громких похвал, ни подробных объяснений. Авторы послания сообщали о рукописях, нуждавшихся в разборе, и просили направить человека, который мог бы установить их содержание, отделить поздние приписки от основного текста и помочь с переводом наиболее важных фрагментов.

— Когда они были обнаружены? — спросил Иоане.

— Несколько недель назад. В одном из старых помещений, которое давно не использовали.

— В каком состоянии книги?

— Некоторые листы повреждены влагой. Другие переплетены неправильно. Есть и такие, которые никто не решается читать: язык известен, но смысл отдельных мест непонятен.

— Почему же они решили обратиться именно сюда?

Бека улыбнулся.

— Потому что ваше имя назвали несколько раз. А ещё потому, что один из людей, посоветовавших обратиться к вам, помнит покойного Михаила.

При этих словах Иоане замолчал.

— Он знал Михаила? — спросил он.

— Не был его близким другом. Но встречался с ним в Константинополе. Говорил, что тот умел распознавать в молодом человеке не только способности, но и характер. Когда речь зашла о книгах, он вспомнил, что Михаил когда-то рассказывал о грузинском ученике, которому хотел передать свои записи.

Иоане опустил глаза на письмо. Ему показалось странным, что память о человеке, которого он уже не мог увидеть, продолжала открывать двери в других местах.

— Кто этот человек? — спросил он.

— Его зовут Вардан. Он служит при одном из монастырей и отвечает за хранение рукописей. Если отправитесь, он встретит вас.

Настоятель внимательно посмотрел на Иоане.

— Ты понимаешь, что это не короткая прогулка? Дорога может занять немало времени. А здесь у тебя ученики, незавершённая работа и обязанности перед братией.

— Понимаю.

— И всё же ты хочешь ехать?

Иоане не ответил сразу. Он посмотрел в сторону библиотеки, где за столом сидел Николай. Тот пытался разобрать трудное место в греческом тексте и время от времени обращался к Давиду за помощью.

— Я хочу увидеть эти рукописи, — сказал Иоане. — Но не хочу, чтобы моя поездка остановила начатое здесь дело.

— Тогда решай не один, — произнёс настоятель. — Поговори с учениками. Возможно, они уже способны продолжить часть работы без тебя.

Вечером Иоане собрал молодых монахов в библиотеке.

— Мне предлагают отправиться в другой монастырь, где обнаружены старые рукописи. Возможно, там есть тексты, которые помогут нам в нашей работе. Но я не хочу оставлять вас без дела и наставления.

Николай оживился.

— Значит, ты увидишь новые книги?

— Если дорога позволит.

— А привезёшь их сюда?

— Не всё, что мы видим, можно привезти. Иногда достаточно сделать точную копию или записать сведения о рукописи.

Давид задумчиво перелистнул лежавшие перед ним страницы.

— А кто будет проверять наши переводы?

— Вы будете проверять друг друга. И прежде чем считать работу законченной, каждый должен будет прочитать её ещё раз — уже глазами другого человека.

Лука поднял голову.

— А если мы не согласимся?

— Тем лучше, если ваше несогласие будет основано на тексте и разумном объяснении, а не на желании непременно оказаться правым.

Савва, который всё это время сидел у стены, неожиданно спросил:

— А если без тебя мы допустим ошибку?

Иоане посмотрел на него.

— Ошибки случаются и при моём присутствии. Важно не то, чтобы никогда не ошибаться, а то, чтобы не защищать ошибку после того, как она обнаружена.

Савва отвёл взгляд, но на этот раз не стал возражать.

После встречи Иоане остался с Николаем и Давидом. Он распределил между ними работу над отдельными фрагментами перевода, поручил Луке сверить несколько страниц, а Савве предложил проверить порядок переплетения старых листов. Последнее поручение удивило Савву.

— Почему именно мне?

— Потому что ты умеешь замечать то, что другие пропускают. Иногда твоя осторожность полезна. Только не позволяй ей превращаться в подозрение ко всему новому.

Савва долго смотрел на него, затем кивнул.

Поздно вечером Иоане вышел во двор. Небо очистилось, и над горами появились первые звёзды. Снег ещё лежал на крышах, но воздух стал мягче. Впервые за несколько дней он почувствовал, что зима не будет вечной.

К нему подошёл Бека.

— Ты уже решил?

— Да. Я отправлюсь, если настоятель даст благословение.

— Думаю, он не станет препятствовать.

— Скажи мне, Бека, почему люди при дворе так заинтересовались старыми книгами? Ведь обычно они обращаются к монастырям по другим вопросам.

Посланник улыбнулся, но в улыбке его не было веселья.

— Не все при дворе одинаково думают. Одни считают, что книги нужны лишь для богослужения. Другие понимают, что государству необходимы люди, способные читать, рассуждать и учить. Иногда эти люди спорят между собой. Я не знаю, кто из них окажется сильнее, но знаю одно: без образованных людей ни одно царство не сможет долго сохранять порядок.

— А без справедливости?

— Тем более, — ответил Бека. — Только справедливость труднее переписать на пергаменте.

Иоане посмотрел на него с интересом.

— Ты говоришь не как обычный посланник.

— Я слишком долго ездил по дорогам, чтобы считать, будто всякая мудрость живёт только среди книг.

Они попрощались. Бека ушёл готовить людей и лошадей к дороге.

Иоане ещё некоторое время стоял во дворе. Он думал о предстоящей поездке, о новых рукописях и о тех, кто когда-то передал ему свои знания. Михаил, Симон, безымянные переписчики, старые монахи, чьи имена уже никто не помнил, — все они незримо присутствовали в его работе.

Теперь он должен был продолжить путь не только ради себя.

В библиотеке на столе оставалась незаконченная страница комментария. Иоане вернулся, аккуратно накрыл её чистым листом и поставил рядом небольшую лампу.

Он знал, что вернётся к этой работе. Но впервые за долгое время понял, что её продолжение может потребовать от него выйти за стены монастыря и встретиться с тем миром, ради которого он и собирался сохранить древнюю мудрость.

Глава 33. Дорога, которая помнит

Отправились на рассвете.

Небо было затянуто лёгкой дымкой, но над восточными вершинами уже проступала узкая полоса света. Бека взял с собой двух сопровождающих, запас продовольствия и небольшую дорожную поклажу. Иоане ехал на спокойной лошади, которую предоставил монастырь. За его

плечами висела сумка с письменными принадлежностями, несколькими тетрадями и письмом настоятеля.

Перед отъездом молодые монахи собрались у ворот.

— Не забудьте о поручениях, — напомнил Иоане.

— Мы справимся, — ответил Николай.

— Не обещай того, чего ещё не проверил, — улыбнулся Иоане.

Давид протянул ему небольшой свёрток.

— Здесь наши последние записи. Мы исправили ошибки, которые ты отметил. Возьми с собой. Возможно, по дороге найдёшь время посмотреть.

Иоане принял свёрток с благодарностью.

— Вы сделали больше, чем я ожидал. Но помните: исправленная ошибка не должна становиться поводом для гордости. Она должна учить нас быть внимательнее.

Лука, стоявший немного позади, вдруг спросил:

— А если ты встретишь человека, который знает больше тебя?

— Постарайся услышать его прежде, чем начнёшь сравнивать наши знания.

— А если он будет неправ?

— Тогда постарайся понять, почему он так думает. И только после этого возражай.

Савва, обычно сдержанный, подошёл последним.

— Я буду следить за порядком в библиотеке.

— Я знаю.

— И за тем, чтобы Николай не торопился.

Николай возмутился:

— Я уже не ребёнок!

— Именно поэтому и должен отвечать за свои поступки, — заметил Иоане.

Монахи засмеялись. Напряжение последних дней немного отступило.

Настоятель благословил путешественников и задержал Иоане у ворот.

— Не забывай, что знания не освобождают человека от его обязанностей перед ближними.

— Постараюсь помнить.

— И ещё. Не всякая рукопись заслуживает того, чтобы ради неё рисковать человеческой жизнью.

Иоане понял, что настоятель говорит не только о дороге.

— Я не забыл этого урока.

Они двинулись на запад.

Первые часы путь был сравнительно лёгким. Дорога проходила по склонам, затем спускалась в долину, где среди деревьев виднелись небольшие поселения. В некоторых местах снег уже растаял, оставив на земле влажные пятна и тёмные следы колес.

Бека оказался человеком разговорчивым, но не навязчивым. Он знал множество историй о монастырях, торговцах, чиновниках и людях, которые по разным причинам покидали родные места.

— Ты давно служишь при дворе? — спросил Иоане.

— Достаточно давно, чтобы понять: двор — это не одно лицо и даже не одна воля. Там есть люди, которые хотят сохранить порядок, есть те, кто стремится возвыситься, и есть те, кто просто старается пережить очередную смену обстоятельств.

— Значит, мудрость правителя зависит от тех, кто находится рядом с ним?

— Отчасти. Но ещё больше — от того, способен ли он слушать неприятную правду.

Иоане задумался.

— Тогда ему нужен не только советник, но и человек, который не боится потерять расположение.

— Таких людей мало. И часто их не любят.

— Вероятно, поэтому их слова особенно важны.

Бека усмехнулся.

— Ты говоришь так, будто собираешься учить царей.

— Нет. Я всего лишь пытаюсь понять, почему человек, получивший власть, иногда перестаёт замечать тех, ради кого она ему дана.

Впереди показалась небольшая деревня. У дороги стояли несколько повозок, возле которых спорили двое мужчин. Один из них держал в руках сломанную деревянную ось, другой указывал на лошадь, запряжённую в телегу.

Бека хотел проехать мимо, но Иоане попросил остановиться.

— Что случилось?

Мужчины обернулись. Один оказался пожилым крестьянином, другой — молодым возчиком.

— Он сломал мою ось, — раздражённо сказал старик. — Теперь требует, чтобы я заплатил ему за потерянный день.

— Я не ломал её нарочно! — возразил возчик. — Она была гнилая. Я предупреждал его ещё утром.

— Ты должен был проверить её до того, как нагрузил телегу!

Спор становился всё громче.

Иоане спешился и осмотрел ось. Дерево действительно было старым, но по трещине было видно, что окончательно оно раскололось под тяжестью груза.

— Сколько вы везли? — спросил он.

— Дрова и мешки с зерном, — ответил старик.

— А кто проверял повозку перед дорогой?

Оба замолчали.

— Значит, каждый рассчитывал на другого, — заключил Иоане. — Один полагал, что второй проверил дерево. Другой решил, что груз не окажется слишком тяжёлым. Теперь вы оба потеряли время и хотите, чтобы другой признал себя единственным виновником.

— Но кто-то же должен отвечать! — сердито произнёс старик.

— Конечно. Но ответственность не всегда означает наказание одного человека. Иногда она означает, что оба должны исправить то, что сделали вместе.

Бека посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— И как же ты предлагаешь им поступить?

— Сначала разгрузить телегу. Затем найти мастера и узнать, можно ли восстановить ось. Если возчик действительно предупреждал о неисправности, старик должен признать, что не услышал его. Если же возчик знал об опасности и всё равно продолжил путь, он тоже должен участвовать в ремонте.

Пожилой крестьянин недовольно поджал губы, но спорить больше не стал. Молодой возчик предложил помочь найти плотника.

Когда путешественники продолжили путь, Бека заметил:

— Ты умеешь превращать самый обыкновенный спор в рассуждение о справедливости.

— А разве справедливость существует только в больших делах?

— Нет. Но многие вспоминают о ней лишь тогда, когда сами оказываются обиженными.

Иоане ничего не ответил.

К вечеру они добрались до небольшого постоялого двора. Там уже находились купцы, двое монахов и человек в тёмном плаще, который сидел у очага и читал книгу. Иоане заметил, что тот держит её необычно осторожно, словно боится повредить каждый лист.

Позднее, когда путешественники поужинали, незнакомец сам подошёл к нему.

— Ты, должно быть, Иоане из Петрицони?

— Да. А ты?

— Меня зовут Вардан. Я должен был встретить тебя в монастыре, но узнал, что ты уже выехал, и решил не ждать.

Иоане внимательно посмотрел на него.

— Значит, именно ты писал о рукописях?

— Я. И рад, что ты согласился приехать.

Вардан был человеком лет сорока пяти, с внимательными глазами и руками, на которых остались следы чернил. Он говорил спокойно, но в его голосе слышалась тревога.

— Что произошло с книгами? — спросил Иоане.

Вардан не сразу ответил.

— Одна из рукописей исчезла.

— Исчезла?

— Её не было в помещении, когда я вернулся после поездки. Дверь оставалась запертой, следов взлома нет. Но я не хочу обвинять кого-либо, пока не пойму, что случилось.

Иоане вспомнил недавнюю историю с пропавшими листами в Петрицони.

— А кто имел доступ к помещению?

— Я, настоятель, один переписчик и ещё несколько братьев, которым поручено следить за хозяйством. Но самое странное не в этом.

— Что же?

Вардан посмотрел на книгу, которую принёс с собой.

— В пропавшей рукописи находился текст, который, как мне кажется, способен многое объяснить. Я не уверен, что правильно понял его смысл. Но там говорится о связи между первопричиной и тем, что существует благодаря ей.

Иоане почувствовал, как внимание его обострилось.

— Это был текст Прокла?

— Не знаю. Возможно, его пересказ. Возможно, комментарий другого автора. Но почерк и язык отличаются от тех, что встречаются в обычных богословских книгах.

Вардан открыл книгу и показал несколько страниц.

— Я сохранил эти фрагменты отдельно. Они были переписаны раньше, чем исчезла основная рукопись.

Иоане склонился над листами. Почерк был неровным, местами чернила выцвели, но отдельные выражения показались ему знакомыми.

Он прочитал несколько строк, затем поднял глаза.

— Ты понимаешь, что нашёл не просто текст, который нужно переписать?

— Понимаю. Но боюсь, что остальные не захотят тратить на него время.

— Почему?

— Потому что для них важнее установить, кто взял книгу.

Иоане закрыл рукопись.

— Тогда сначала нужно выяснить, что произошло. Иначе мы рискуем потерять и книгу, и доверие людей.

Вардан кивнул.

За окном усиливался ветер. В очаге потрескивали дрова, а тени от огня медленно двигались по стенам.

Иоане понял, что его путешествие уже перестало быть обычной поездкой за рукописями. Ему предстояло столкнуться с человеческим недоверием, страхом и, возможно, с намеренным сокрытием чужого труда.

Он ещё не знал, что именно исчезло вместе с рукописью. Но чувствовал: иногда утраченное скрывается не в прошлом, а совсем рядом — за закрытой дверью, в человеческой памяти или в молчании того, кто боится сказать правду.

Глава 34. Тайна закрытой комнаты

Утром Вардан повёл Иоане к монастырю.

Он находился неподалёку от дороги, на небольшом возвышении, окружённый старым садом и каменной оградой. Здания были скромнее Петрицони, но производили впечатление давно сложившегося хозяйства. У входа лежали дрова, во дворе сушились связки трав, а возле стены несколько братьев чинили деревянную лестницу.

Настоятель встретил гостей сдержанно. Он был пожилым человеком, с тяжёлым взглядом и привычкой долго обдумывать каждое слово.

— Значит, ты и есть тот самый Иоане, о котором мне рассказывали, — произнёс он.

— Не знаю, насколько мои знания соответствуют рассказам, — ответил Иоане. — Но постараюсь быть полезным.

— Нам нужна помощь. Рукопись исчезла, а без неё мы не можем завершить работу, начатую много лет назад.

— Что именно вы делали?

— Сверяли старые тексты, составляли перечень книг, готовили копии для других обителей. Но теперь все разговоры свелись к одному: кто взял рукопись и зачем.

— А вы сами кого-нибудь подозреваете?

Настоятель помедлил.

— Есть один человек. Переписчик по имени Лука. Он недавно спорил с Варданом и говорил, что некоторые книги не следует открывать без благословения старших.

— Это достаточное основание для подозрения?

— Нет. Но он был последним, кто работал в помещении перед исчезновением книги.

Иоане посмотрел на Вардана.

— Ты уверен?

— Я видел его возле двери. Но не могу сказать, входил ли он внутрь.

— Тогда пока у нас нет доказательств.

Настоятель недовольно повёл плечом.

— Ты приехал разбирать рукописи или защищать подозреваемых?

— Я приехал помочь найти истину. А истина не становится ближе оттого, что мы заранее выбираем виновного.

После завтрака Вардан провёл Иоане в помещение, где хранились книги. Оно находилось в боковой части монастырского здания. Дверь была крепкой, с железной скобой. Внутри стояли деревянные шкафы, несколько столов и сундуки с рукописями.

Иоане осмотрел замок, петли, пол и столы. Он не был мастером по расследованию исчезновений, но привык внимательно изучать любые обстоятельства, прежде чем делать выводы.

— Кто открывал комнату после исчезновения книги? — спросил он.

— Только настоятель и я.

— А до этого?

— Я, Лука и брат Стефан, который помогает с переплётами.

— Где находилась пропавшая рукопись?

Вардан указал на верхнюю полку шкафа.

— Здесь. Она лежала в деревянном футляре.

Иоане поднялся на небольшую скамью. На полке остался прямоугольный след пыли, более светлый, чем остальная поверхность. Он провёл пальцем по дереву.

— Футляр был тяжёлым?

— Достаточно тяжёлым. В нём находилось около ста листов.

— Его могли снять без шума?

— Если знать, как это сделать.

Иоане осмотрел соседние полки. Несколько книг лежали не на своих местах. На одной из них был виден свежий след от верёвки.

— Кто переставлял эти книги?

— Я не знаю. Возможно, Лука.

— Возможно, — повторил Иоане. — Но это ещё не ответ.

Он попросил показать ему все записи о работе с рукописями. Вардан принёс несколько тетрадей, в которых были отмечены даты, имена переписчиков и названия книг.

Иоане внимательно изучил записи. В одном месте обнаружилась странность: за два дня до исчезновения рукописи кто-то сделал пометку о переносе части книг в другое помещение. Подпись была неразборчивой.

— Кто писал это?

Вардан нахмурился.

— Не знаю. Я не помню такой записи.

— А настоятель?

— Он мог знать. Но лучше спросить у него.

Они вернулись в приёмную.

Настоятель прочитал запись и долго молчал.

— Это писал брат Стефан, — наконец произнёс он. — Несколько дней назад мы освобождали полки для книг, которые принесли из другого селения. Я поручил ему перенести часть рукописей в соседнее помещение.

— Какие именно? — спросил Иоане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.